

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Восточно-Сибирский институт  
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

**С. Ю. Грозин, А.А. Сысоев, С.М. Белозерцев**

**СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ  
В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Учебное пособие

Иркутск  
Восточно-Сибирский институт МВД России  
2018

УДК 340.15  
ББК 67.3(0)

Печатается по решению редакционно-издательского совета  
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»

Рецензенты:

В.Ж. Дорохов, зам. начальника кафедры социально-гуманитарных  
и экономических дисциплин ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России,  
канд. ист. наук, доц.;  
Р.Р. Каримов, зам. начальника кафедры истории и теории  
государства и права ФГКОУ ВО УФЮИ МВД России,  
канд. юрид. наук

*Грозин С.Ю.* Специализированные полицейские формирования Восточной Сибири в XIX–начале XX века: учебное пособие / С. Ю. Грозин, А.А. Сысоев, С.М. Белозерцев. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2018. – 83 с.

Учебное пособие содержит сведения об особенностях формирования специализированных полицейских формирований на территории Восточной Сибири в период с XIX до начала XX века. Раскрываются региональные особенности организации полицейских подразделений, ориентированных на проведение политического и уголовного сыска.

Предназначено для курсантов и слушателей всех форм обучения

УДК 340.15  
ББК 67.3(0)

© Грозин С. Ю., Сысоев А. А., Белозерцев С. М., 2018  
© ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 2018

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                                    |    |
|------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Введение.....                                                                      | 4  |
| Глава 1. Политическая полиция Восточной Сибири<br>В XIX–начале XX столетия.....    | 6  |
| Глава 2. Уголовный сыск полиции Восточной<br>Сибири в XIX–начале XX столетия ..... | 44 |
| Заключение .....                                                                   | 75 |
| Список рекомендуемой литературы.....                                               | 80 |

## ВВЕДЕНИЕ

История полиции в России вообще и в отдельных регионах империи привлекала и продолжает привлекать внимание историков и юристов. Однако многие стороны деятельности российской полиции, в особенности её региональные аспекты еще не получили должного освещения. К их числу относится и полицейская служба в Иркутской губернии.

Современный этап развития исторической и историко-юридической наук характеризуется неослабевающим интересом российских ученых к проблемам развития отечественных правоохранительных органов. Процесс демократизации, охвативший самые различные сферы государственной и общественной жизни нашего общества, неизменно требует обновления действовавших ранее государственно-правовых институтов, важное место среди которых занимают органы внутренних дел.

Возникшая в связи с этим потребность учета национальной специфики и менталитета русского народа обратила внимание реформаторов на отечественный исторический опыт, активизировала научные изыскания исследователей. Изучая историю развития аппарата государственного управления, мы не только фиксируем факты, имевшие место в истории нашей страны, но и пытаемся понять истоки процесса, разворачивающегося на наших глазах.

Полиция представляет собой срез общества и неотъемлемую часть государственного аппарата. Как в зеркале, в деятельности полиции выявляются его сильные и слабые стороны. Именно в этой деятельности, как ни в какой другой, проявляются черты национального характера. Однако при всей многоаспектности научных работ, посвященных истории российской полиции, практически нетронутой остается проблема становления и развития полицейских органов на восточных окраинах могущественной Российской империи. В этой связи история полицейской службы Восточной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. представляет несомненный интерес. Необходимо подчеркнуть, что в начале указанного периода полицейские органы Восточной Сибири организовывались на основании особых законодательных актов, важнейшим из которых оставалось «Сибирское учреждение» 1822 г., и только с середины XIX в. в правительственной политике стал преобладать курс, направленный на постепенную унификацию полицейских органов Сибири и Центральной России.

Распространяя на Сибирь уже введенные в великорусских губерниях полицейские институты, самодержавие стремилось использовать накоп-

ленный опыт, найти наиболее приемлемые формы их адаптации в новых политических, социальных и экономических условиях. При этом на протяжении всего изучаемого периода полиция Восточной Сибири состояла из органов, созданных в разное время и не по единому образцу. Помимо общей и жандармской полиции в губернии действовал ряд специализированных формирований. На золотых приисках Ленского горного округа службу несла горно-полицейская стража. Преимущественно полицейские функции выполнял иркутский казачий дивизион, который с 1892 находился в ведении МВД. С 80-х годов XIX столетия в столице Восточной Сибири начинают функционировать специальные отряды сыщиков – прообраз сысской полиции.

Учебное пособие посвящено специализированным полицейским формированиям, действовавшим на территории Восточной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. При этом особое внимание уделяется вопросам организации и деятельности специализированных формирований иркутской полиции, выявлению как общих черт с полицией центральных губерний, так и той специфики, которая имела место в ее истории.

Необходимо отметить, что в условиях реформирования и дальнейшей оптимизации деятельности органов внутренних дел России исторический опыт организации и деятельности специализированных полицейских формирований Восточной Сибири представляет значительный интерес не только с научной, но и с практической точки зрения.

Проблемы, возникшие в исследуемый период в вопросе переустройства России, схожи с теми, которые возникают в настоящее время. Одними из важнейших задач были совершенствование работы полицейских органов, их эффективность и освобождение от коррумпированных чиновников, взяточников и людей необразованных, с низким культурным уровнем, но в условиях Восточной Сибири сделать это было чрезвычайно сложно.

Учебное пособие подготовлено на основе привлечения широкого круга источников, в том числе архивных документов и материалов, большинство из которых ранее не публиковались и впервые вводятся в научный оборот. В пособии раскрываются все структурные элементы, создаваемые в процессе формирования специализированных полицейских подразделений Восточной Сибири. На документальной основе показан процесс их становления, развития и характера деятельности. Материалы учебного пособия позволяют восполнить пробел в изучении отечественного права и государства, истории органов внутренних дел. Основные выводы и положения могут быть использованы в учебном процессе по курсам истории государства и права, истории органов внутренних дел, а также положены в основу разработки нового учебного спецкурса. Представленные в пособии архивные материалы будут способствовать оживлению интереса к дальнейшим исследованиям деятельности по изменению и реформированию полицейской системы, развитию Восточно-Сибирского региона.

## ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX–НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Особое место в системе полицейских органов Восточной Сибири принадлежало жандармерии. При этом если общая полиция в Сибирских губерниях была децентрализованной, и ее организация осуществлялась на основании специальных узаконений, то политическая полиция с самого начала своего существования была строго централизованной и руководствовалась в своей деятельности общеимперским законодательством.

Еще в июле 1826 г. вышел указ императора Николая I «О присоединении собственной Канцелярии Министерства Внутренних Дел к Собственной Его Величества Канцелярии»<sup>1</sup>. Указ ликвидировал существовавшую систему политического сыска и создал новую централизованную систему, призванную стать главной защитницей государственных интересов.

Для выполнения возложенных на Третье отделение функций ему придавался в распоряжение, учрежденный в 1827 г. корпус жандармов.

28 апреля 1827 г. страна была разделена на пять жандармских округов, во главе которых назначались окружные начальники – генералы жандармского корпуса. Округа в свою очередь делились на 26 отделений, каждое под командованием штаб-офицера. Общее руководство корпусом жандармов возлагалась на шефа жандармов, которым являлся начальник Третьего отделения<sup>2</sup>.

Центром одного из 26 учрежденных отделений стал Иркутск – столица Восточной Сибири, для которой все объявленные в указе направления деятельности политической полиции являлись актуальными.

Одной из важнейших функций Третьего отделения стала информация императора о реальном положении в стране и, в частности, надзор за деятельностью государственного аппарата<sup>3</sup>.

Надзор и контроль Третьего отделения, согласно секретным инструкциям, распространялись на все государственные учреждения как в центре, так и на местах. Уже в середине XIX в. в Российской империи действовала налаженная система изучения общественно-политической жизни и экономического развития страны. Через жандармских штаб-офицеров высшие сановники имели возможность получать информацию о наиболее серьезных внутривнутриполитических вопросах.

Жандармский корпус, являясь исполнительным органом Третьего отделения, служил главным источником информации.

---

<sup>1</sup> ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 1. Отд. 2. № 449.

<sup>2</sup> Там же. Т. 2. Отд. 2. № 1062.

<sup>3</sup> См.: Курицын В. М. История полиции России. М., 1998. С. 27.

Фактически с момента учреждения в 1827 г. иркутского отделения жандармские офицеры занимались сбором сведений о разного рода происшествиях, дублируя тем самым губернаторскую отчетность.

Зачастую жандармские донесения были обстоятельнее и полнее, что давало центральным властям повод упрекать губернаторов в необъективности и искать новые формы оперативной подачи информации с мест<sup>4</sup>.

Жандармы продолжали осведомлять свое начальство о положении в управлении краем, не останавливаясь перед критической характеристикой местных должностных лиц.

Во второй половине XIX в. в Иркутском генерал-губернаторстве бывали случаи, когда жандармы отваживались вступать в открытое противостояние с генерал-губернаторами и губернаторами. Генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского возмущало независимое положение жандармов и то, что Третье отделение принимает жалобы и доносы из Сибири. С известным раздражением он заявлял: «Я не вижу никакой пользы Третьему отделению добровольно уничтожать в отдаленной стороне кредит власти, поставленной от правительства, мера эта была бы свойственна революционному обществу, а отнюдь не Третьему отделению собственной ЕИВ канцелярии»<sup>5</sup>.

Н. Н. Муравьев жаловался, что в Петербурге придают преувеличенное значение письмам и статьям политических ссыльных Д. И. Завалишина и М. В. Буташевича-Петрашевского, что им позволено безнаказанно обращаться к министрам с письмами, содержащими «самые дерзкие ругательства и клеветы на местные в Сибири власти, не исключая главных»<sup>6</sup>. Своими угрозами жаловаться в Петербург они запугали местных чиновников.

Независимость штаб-офицеров жандармерии подвергалась постоянной критике со стороны сибирских генерал-губернаторов, которые не оставляли планов сильнее привязать их к себе.

Так, в 1867 г. генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущев предлагал шефу жандармов охватить жандармскими уездными управлениями всю территорию Западной Сибири, подчинив их не только столичному начальству, но и генерал-губернатору. Только с их помощью главный начальник края генерал А. П. Хрущев «мог бы иметь самые верные сведения о направлении умов населения и неуклонном исполнении местной администрации своих обязанностей, относительно вверенного попечению их народа»<sup>7</sup>.

---

<sup>4</sup> См.: Шумилов М. М. Еженедельные записки как формы делопроизводственных взаимоотношений губернаторов с Министерством внутренних дел (60–80 гг. XIX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Вып. XXI. С. 90–91.

<sup>5</sup> Барсуков И. П. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. 1. С. 598–599.

<sup>6</sup> Там же. С. 602–603.

<sup>7</sup> Цит. по: Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX–начала XX веков. Омск, 1999. С. 108.

Но особенно преуспел в этом генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. Он откровенно объяснял в письме Н. О. Сухозанету: «Особенное доверие Государя к генерал-губернатору Восточной Сибири необходимо и потому, что его нельзя облечь теми званиями, коих требует важность этого места; но звания эти ограждают от ответственности перед законом, следственно генерал-губернатор Восточной Сибири, не имеющий этого ограждения должен по крайней мере быть убежден, что Государь его не обвинит и не предаст суду законов»<sup>8</sup>.

Несмотря на то что Н. Н. Муравьев получил разрешение Николая I докладывать ему «в Собственные руки», на деле все его представления все равно попадали в министерства, от них же зависело продвижение по службе и награды большинства из подчиненных генерал-губернатору чиновников. Что касается жандармских штаб-офицеров, то они по-прежнему посылали свои донесения в Третье отделение без предварительного согласования с генерал-губернатором.

Одним из основных направлений деятельности иркутской жандармерии был надзор за политическими ссыльными, поток которых постоянно возрастал.

Так, по свидетельству генерал-губернатора П. А. Фредерикса, в 1875 г. в Восточной Сибири отбывали наказание по политическим статьям 110 ссыльнокаторжных, 937 ссыльнопоселенцев и 1267 лиц, высланных административным порядком из губерний царства Польского и Западного края<sup>9</sup>.

Сибирская администрация отдавала себе отчет в том, что политическая ссылка второй половины XIX в. оказывает огромное воздействие на местную общественность. До амнистии 1856 г. здесь жили на поселении декабристы: С. И. Трубецкой, И. А. Анненков, Д. И. Завалишин, М. А. Бестужев, В. Ф. Раевский, А. В. Поджио, Е. И. Оболенский, И. И. Горбачевский, В. А. Бесчаснов, И. Д. Якушин. В 1857 г. вышли на поселение в Сибири М. В. Бутаевич-Петрашевский, Ф. Н. Лавров, Н. А. Спешнев, С. Ф. Дуров, Д. Г. Толь. В том же году в сибирскую ссылку попал М. А. Бакунин, а через четыре года М. И. Михайлов. В 1864 г. на семь лет каторжных работ с последующим поселением в Сибири был осужден Н. Г. Чернышевский.

Местная жандармерия с особым вниманием следила за лидерами революционного движения, стремясь не допустить распространения революционных идей на умы сибиряков. В свою очередь Третье отделение пристально следило за состоянием политической ссылки.

Так, 15 января 1866 г. Третье отделение направило генерал-губернатору Восточной Сибири в Иркутск за личной подписью шефа кор-

<sup>8</sup> Барсуков И. П. Указ. соч. Т. 1. С. 472.

<sup>9</sup> Цит. по: Шаврова А. В. Дальний Восток глазами начальника жандармского управления // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 90.

пуса жандармов секретную бумагу под № 28, в ней сообщалось: «В Петербурге распространился слух, что в том месте, где находится осужденный политический преступник Чернышевский, каторжники были как-то недовольны пищею, что Чернышевский успел подготовить их к бунту и что, будто бы вследствие того он был так сильно наказан, что вскоре после того умер. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить меня уведомлением, случилось ли что-либо подобное. Генерал-адъютант князь Долгоруков»<sup>10</sup>.

Получив секретную депешу, генерал-губернатор М. С. Корсаков немедленно запросил нерчинского коменданта полковника Воронцова о состоянии дел на вверенной ему территории: «...считаю необходимым просить Вас, М. Г., уведомить меня в возможно непродолжительном времени, не случилось ли когда-либо в Нерчинских заводах что-либо подобного..., а также и о том, как вел и ведет себя политический преступник Чернышевский и в каком состоянии здоровья находится он в настоящее время»<sup>11</sup>.

В ответ на запрос, полковник Воронцов отправил в Иркутск рапорт, в котором сообщалось: «...имею честь донести, что ничего подобного между преступниками на Нерчинских заводах, кроме уже известных Вам беспорядков в Акатуевском руднике, никогда не было, да и эти беспорядки были без участия государственного преступника Чернышевского, который со времени поступления в работы находится в Каданском руднике и ведет себя примерно для прочих и притом в настоящее время совершенно здоров»<sup>12</sup>.

Тем не менее надзор за Чернышевским был усилен, его перевели из Кадан в тюремное помещение Александровского Завода, изолировали от общения с друзьями.

Усиленное внимание жандармерии к Чернышевскому не было случайным: в революционных кругах не раз возникали намерения об его освобождении<sup>13</sup>. После неудачи широкого замысла 1865–1866 гг., в разработке которого принимали участие русские и польские революционеры, в том числе Герцен и Огарев, в 1871 г. попытку освободить Н. Г. Чернышевского предпринял член Генерального совета I Интернационала Г. А. Лопатин. Иркутской жандармерии удалось установить его личность и арестовать<sup>14</sup>.

---

<sup>10</sup> Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. Оп. 3. Д. 160. Л. 1.

<sup>11</sup> Там же. Л. 2–3.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> См.: История Сибири: В 5 т. Л., 1968. Т. 3. С. 110.

<sup>14</sup> См.: Шинкарев Л. И. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. Иркутск, 1974. С. 120.

В августе 1871 г. Н. Г. Чернышевский был направлен в Вилуйский острог, где пробыл до 1883 г. Во время пребывания Н. Г. Чернышевского в Вилуйске была совершена последняя попытка его освобождения. В Иркутск прибыл революционер-народник И. И. Мышкин. Здесь ему при содействии одного из канцелярских писцов удалось раздобыть в жандармском управлении казенную бумагу со штампом и печатью. Под видом Мещеринова, жандармского офицера, Мышкин отправился в Вилуйск, где предъявил местному начальству предписание о выдаче ему Чернышевского для отправки на вновь назначенное место жительства в Благовещенск.

Попытка устроить побег Н. Г. Чернышевского из Вилуйска потерпела неудачу. Вилуйский исправник с подозрением отнесся к Мещеринову-Мышкину и отправил его в сопровождении двух жандармов в Якутск для получения подтверждения от якутского губернатора. По дороге в Якутск Мышкин бежал в лес, но был схвачен<sup>15</sup>.

После неудачной попытки Мышкина положение Н. Г. Чернышевского ухудшилось. Полгода его не выпускали за ворота тюрьмы. В остроге были усилены наружный и внутренний караулы. Когда Н. Г. Чернышевскому разрешили выходить из тюрьмы, его всюду сопровождал жандарм<sup>16</sup>.

Из вилуйского заточения Н. Г. Чернышевский был освобожден только в августе 1883 г. В сопровождении жандармов он выехал из Вилуйска и через 35 дней прибыл в Иркутск, а затем выехал в Европейскую Россию. Его везли секретным порядком, стремясь изолировать от общения даже с близкими знакомыми<sup>17</sup>.

В сентябре 1867 г. было принято новое положение об отдельном корпусе жандармов, в соответствии с которым корпус состоял из главного управления, управлений Кавказского, Варшавского и Сибирского округов, 56 губернских управлений, 50 уездных управлений Северо-Западного края, наблюдательного состава, петербургского и московского дивизионов, 13 конных команд и полицейских управлений на железных дорогах<sup>18</sup>.

Большинство существовавших ранее жандармских округов упразднялось, а губернские штаб-офицеры получили наименование начальников губернских жандармских управлений. Основным звеном структуры отдельного корпуса жандармов были губернские управления. Положение 1867 г. различало жандармские управления Московской губернии и губернские управления первой и второй категории. Различие основывалось на размерах губерний, этнографических и экономических условиях, и вы-

---

<sup>15</sup> См.: Шинкарев Л. И. Указ. соч. С. 120.

<sup>16</sup> См.: Романов И. М. Н. Г. Чернышевский в вилуйском заточении. Якутск, 1957. С. 226.

<sup>17</sup> История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 111–112.

<sup>18</sup> ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 13. Отд. 2. № 44956.

ражалось в большей или меньшей штатной численности и сумме добавочного жалованья, выплачиваемого чинам<sup>19</sup>.

Правовое положение губернских жандармских управлений было по своему уникальным. Как часть государственной полиции они входили в систему Министерства внутренних дел. Однако были совершенно независимыми от губернаторов, в свою очередь отвечавших за безопасность и спокойствие в губернии. Юридически такое положение объяснялось тем, что жандармерия организационно представляла собой воинскую часть и состояла на бюджете Военного министерства, входя в то же время в структуру Министерства внутренних дел. Жандармы подчинялись только своему начальству – штабу и командиру корпуса. Даже Департамент полиции, который руководил работой губернских жандармских управлений, практически не имел никакой власти в отношении личного состава корпуса. Наказать или поощрить жандарма, а также переместить его на другую должность могло только жандармское начальство<sup>20</sup>.

В 1867 г. на основании «Положения о корпусе жандармов» было организовано Иркутское губернское жандармское управление. В штат губернского управления входили: начальник, помощник начальника, адъютант, секретарь и два писаря.

Кроме того, Иркутскому губернскому управлению придавалась конная городская жандармская команда, в обязанность которой вменялось: приведение и исполнение правительственных распоряжений и приговоров суда; преследование разбойников и рассеивание запрещенных законом скопищ; усмирение буйств и восстановление нарушенного порядка; преследование и поимка лиц с запрещенными и тайно перевозимыми товарами; препровождение важных преступников и арестантов; охранение порядка на парадах войск, народных гуляниях, всякого рода публичных съездах, ярмарках, пожарах и пр.<sup>21</sup>

Иркутское губернское жандармское управление ведало политическим розыском и производством дознаний по государственным и наиболее тяжким уголовным преступлениям, осуществляло надзор за лицами, выступающими против государственной власти, а также политическими ссыльными.

В этой связи необходимо отметить, что до начала XX в. в Иркутской губернии не наблюдалось деятельности организованных сообществ, поставивших своей целью борьбу с существующим государственным и общественным строем, а само количество дознаний по обвинению в государственных преступлениях было невелико.

---

<sup>19</sup> См.: Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2. М., 1992. С. 31–32.

<sup>20</sup> Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. М., 1996. С. 58–59.

<sup>21</sup> ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 13. Отд. 2. № 44956. § 34.

Так, после введения в Восточной Сибири в 1897 г. судебной реформы во всем Иркутском округе, охватывающем громадную территорию Енисейской и Иркутской губерний, Якутской, Забайкальской, Амурской и Приморской областей, с полосой отчуждения Китайской Восточной железной дороги, в 1897 г. было зарегистрировано 20 дознаний; в 1898 г. – 59; в 1899 г. – 49; в 1900 г. – 42; в 1901 г. – 44, только с 1902 г. количество дознаний стало увеличиваться<sup>22</sup>.

При этом предметом большинства упомянутых политических расследований было произнесение по невежеству или в состоянии опьянения, дерзких выражений по отношению к особе царствующего императора<sup>23</sup>, а остальные дознания проводились по поводу хранения сочинений противоправительственного содержания, виновными в котором по преимуществу оказывались лица, сосланные в Сибирь за государственные преступления как в административном порядке, так и по судебному приговору<sup>24</sup>.

Вне всякого сомнения, политический сыск и следствие, наблюдение за деятельностью революционных организаций и отдельных революционеров, общественных деятелей, а также надзор за ссыльными политическими преступниками являлись основными направлениями в работе жандармерии.

При этом царская администрация внимательно следила за деятельностью жандармских управлений, требуя от них более высокой активности по выявлению государственных преступлений. Так, в 1900 г. вступило в силу положение «О распространении на округа судебных палат Иркутской и Омской, установленного для округа Варшавской судебной палаты порядка наложения взысканий на чинов отдельного корпуса жандармов за упущения по обнаружению преступлений»<sup>25</sup>.

Тем не менее, деятельность Иркутского жандармского управления охватывала все сферы общественной жизни губернии.

Начальники губернского жандармского управления исправно собирали и обрабатывали информацию об общественно-политической жизни и экономическом развитии подведомственных территорий, доносили в Третье отделение, а с 1880 г. в Департамент полиции о всех наиболее важных и экстренных событиях.

Так, в 1875 г. в первую экспедицию Третьего отделения поступило подробное донесение начальника Иркутского губернского жандармского управления полковника В. О. Янковского об экономическом и политическом положении в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Документ составлен Янковским по собственной инициативе и не являлся ни формаль-

<sup>22</sup> Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. СПб., 1908. С. 3.

<sup>23</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 77. Л. 4.

<sup>24</sup> Обзор революционного движения. С. 4.

<sup>25</sup> ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 20. № 18086.

ным отчетом, ни ответом на запрос вышестоящих инстанций. Записка основана на личных впечатлениях после полутора лет службы в должности начальника Иркутского губернского жандармского управления, когда Янковский объехал подведомственную территорию и побывал во всех наиболее важных административных центрах.

Автор донесения по долгу службы, как исправный и исполнительный жандармский офицер, отмечал в основном негативные стороны жизни различных сословий и групп населения местного общества. Возможно, что в служебном рвении Янковский несколько сгустил краски, и картина получились чересчур мрачной, но в то же время у нас нет оснований не верить приведенным фактам.

Так, давая характеристику гражданским чиновникам, Янковский отмечает, что чиновники по своей изолированности и неимению развлечений, отсутствию надлежащего надзора за их деятельностью предаются пьянству и разврату, к чему имеют более средств, так как при ограниченности содержания они в большинстве случаев не брезгают взяточничеством при всякой возможности. Кроме того, состав чиновничества по преимуществу наполнен личностями почти без всякого образования<sup>26</sup>.

«Духовенство, долженствующее в Сибири более, чем где-либо, служить примером безукоризненной нравственности, ввиду инородцев, привлеченных стараниями правительства к принятию христианства, тоже далеко не безупречно... Ввиду этого, следовало бы назначать в Сибирь священников с самою строгою разборчивостью, тем более, что в Сибири, кроме инородцев поселено немало русских сектантов, тоже враждебно относящихся к православному духовенству»<sup>27</sup>.

Довольно подробно в служебной записке раскрывается состояние ссылки в Сибирь и проблемы, связанные с ней. В частности, полковник сообщает: «Затем есть еще в Сибири одна отрасль населения, которую правильнее назвать ржавчиной или паразитами общества – это сосланные на поселение. Эти отверженные парии представляют собой самое жалкое сословие, не приносящее себе никакой пользы и поставленной в исключительное положение, вредит вместе с тем и остальным, как бесполезное бремя общества и как главный источник всевозможных преступлений. Выброшенные из семьи и общества, сосланные в чуждый, неприветливый край, они мыкаются из угла в угол, не находя себе нигде радушия и пристанища, вообще плохие работники и склонные к тунеядству, большая часть из них кое-как перебивается до весны, а потом, вследствие безвыходного положения, томительной тоски по родине, они очертя голову бросаются в бесконечные сибирские тайги и инстинктивно стремятся на запад.

---

<sup>26</sup> Цит. по: Шаврова А. В. Указ. соч. С. 95.

<sup>27</sup> Там же.

Тут-то и кроется главный зародыш громадного бродячего сибирского элемента и рассадник так называемых Иванов Непомнящих.

Постоянный страх преследования, неимение никаких средств к существованию невольно заставляют их прибегать к совершению преступлений и к полной праздности до тех пор, пока голодная смерть или поимка не положат предела томительному существованию»<sup>28</sup>.

Особое внимание Янковский уделил организации каторжных тюрем, причем отмечал их неудовлетворительное состояние – плохие условия содержания заключенных и недостаточный рацион. Он предложил сосредоточить всех каторжных и ссыльнопоселенцев, в том числе и политических, в одном месте – на острове Сахалин. Тем самым, по мнению полковника, этот социально опасный элемент был бы удален с материка и способствовал колонизации острова.

Давая оценку политической ссылке, полковник отмечает, что «так называемые государственные преступники, осужденные на каторжную работу, в таковую вовсе не употребляются, а везде пользуются особенными привилегиям... Вообще государственные и более важные политические преступники как ссыльные на каторжную работу, так и на поселение, будучи разбросаны на огромном пространстве Сибири, не состоя в исключительном ведении жандармского корпуса и тем ускользя от необходимого за ними наблюдения, приносят значительный вред и без того уже ненадежной массе населения, растлеваемой постоянно наплывом сосланного элемента. Для пресечения подобного зла следовало бы государственных и политических преступников, осужденных на каторжную работу, содержать отдельно, чтобы не влиять своею интеллигенцию во вред остальных каторжников... Само собою разумеется, что последние должны постоянно находиться в ведении жандармского офицера с необходимым числом нижних чинов. Другое условие должно быть – определение срока ссылки с тем, что, ежели какой преступник своим поведением и образом мыслей выкажет искреннее раскаяние в совершенном преступлении и подаст надежду быть безвредным членом общества, то по заявлению о том жандармским начальством срок ссылки сокращался, и преступник получал бы право возвращения на родину. Последняя мера, конечно, не может быть применима к более тяжким и закоренелым преступникам, коих присутствие в обществе будет признано положительно вредным и нетерпимым»<sup>29</sup>.

В заключительной части служебной записки полковник Янковский высказывает конкретные предложения по улучшению сложившейся ситуации: «Итак, ссылку в Сибирь следует раз и навсегда прекратить, оставив для того один остров Сахалин, как вполне соответственный этому назна-

---

<sup>28</sup> Шаврова А. В. Указ. соч. С. 95–96.

<sup>29</sup> Там же. С. 98.

чению; далее на службу как по военному, так и по гражданскому ведомствам назначать сюда людей нравственных и с образованием, не промотавшихся искателей приключений или удаленных из службы в Европейской России по разным неблагоприятным причинам. В заключении дать сильный толчок первоначальному образованию и промышленности и, в конце концов, связать Сибирь в возможной скорости железным путем с Европой, что легко бы сделать исподволь, с помощью тысяч праздных и жаждущих труда ссыльных. При таких только условиях большая часть Сибири превратится в самый сильный рычаг мощного механизма обширного царства русского»<sup>30</sup>.

Записка Янковского, адресованная на имя шефа жандармов, главного начальника Третьего отделения генерала от кавалерии генерал-адъютанта А. Л. Потапова, была получена им 1 декабря 1875 г. Он ознакомился с донесением в тот же день. Внимание шефа жандармов привлек лишь тот раздел документа, который относился к организации каторжных работ и содержанию политических ссыльнокаторжных. Из донесения была составлена соответствующая выписка. По этому вопросу состоялся всеподданнейший доклад шефа жандармов Александру II. «Император высочайше повелеть соизволил возбуждаемые вопросы обсудить в особом совещании». В его состав должны были войти министры внутренних дел А. Е. Тимашев, юстиции граф М. Х. Рейтерн и сам главный начальник Третьего отделения А. Л. Потапов<sup>31</sup>. Однако записка Янковского ни целиком, ни в сокращенном варианте так и не обсуждалась высшими сановниками империи.

Шеф жандармов 16 декабря 1875 г. приказал: «Не объявляя подлежащим министрам теперь же высочайшего повеления о совещании, просить предварительного по настоящему предмету заключения генерал-губернаторов Восточной и Западной Сибири, прося вместе с тем доставить численные данные как о ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенных и политических преступниках, во всяком крае, так и о сосланных туда на жительство лицах, неблагонадежных в политическом отношении».

Как и следовало ожидать, генерал-губернаторы И. А. Фредерикс и Н. Г. Казнаков направили на имя А. Л. Потапова заключения, в которых опровергались утверждения Янковского о недостатках в организации надзора за ссыльнопоселенцами и о послаблении в режиме ссыльнокаторжных политических преступников.

Получив заключение генерал-губернаторов, шеф жандармов не дал делу хода. Записка Янковского осталась без последствий и попала в архив Третьего отделения.

---

<sup>30</sup> Шаврова А. В. Указ. соч. С. 99.

<sup>31</sup> Там же. С. 97.

Автор ее затем благополучно продолжал службу в жандармском корпусе, в 1885 г. был произведен в генерал-майоры, позднее занимал должность начальника Тамбовского губернского жандармского управления<sup>32</sup>.

Постепенно генерал-губернаторам и губернаторам удалось поставить жандармов под свой контроль.

Согласно циркуляру 1880 г. министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова начальники губернских жандармских управлений должны были посылать свои донесения не прямо в Департамент полиции, а губернаторам. Эта мера М. Т. Лорис-Меликова отвечала желанию «создать на местах твердую и стройную власть», соединив в руках губернатора руководство полицией и жандармерией. Несмотря на то, что в 1880 г. Третье отделение было упразднено с передачей отдельного корпуса жандармов в ведение МВД, на местах так и не удалось добиться полного единства в действиях низовых звеньев репрессивного аппарата<sup>33</sup>.

Из всех религиозных направлений главное внимание царское правительство уделяло православию. Защита и всестороннее содействие второй составляющей государственной триады (самодержавие, православие, народность) являлась одной из задач жандармского управления. Вместе с тем деятельность всех других конфессий находилась под пристальным вниманием жандармерии.

Стремясь ограничить контакты жителей Восточной Сибири с иностранцами в религиозной сфере, Третье отделение использовало «Секретное высочайшее повеление» Николая I 1841 г., приказавшее заграничным миссиям препятствовать иностранцам, желающим посетить Сибирь через особо охраняемую восточную границу<sup>34</sup>.

В то же время усложнялась процедура прибытия в Восточную Сибирь немногочисленных иностранцев через территорию европейской части страны. Ограничения распространялись не только на представителей религиозных миссий, но и на всех иностранцев.

Согласно предписаниям МВД 1850, 1851 и 1853 гг. об усилении наблюдения за приезжающими иностранцами все бланки паспортов генерал-губернатор Восточной Сибири и подчиненные ему губернаторы долж-

---

<sup>32</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. I экс. 1875. Д. 80. Л. 27–30.

<sup>33</sup> Скрипилев А. Е. Реорганизация управления полицией в России в начале 80-х гг. XIX столетия // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж, 1994. С. 112.

<sup>34</sup> См.: Синиченко В. В. Политика российских властей в отношении иностранной религиозной пропаганды и научно-исследовательского туризма на русском Востоке (вторая половина XIX в. – 1917) // Проблемы деятельности правоохранительных органов и государственной противопожарной службы. Иркутск, 2001. С. 307.

ны были выдавать на проезд в сибирские губернии по согласованию с Третьим отделением Его Императорского величества канцелярии<sup>35</sup>.

В ноябре 1857 г. военный губернатор Приморской области Восточной Сибири в рапорте генерал-губернатору Восточной Сибири доносил, что в числе иностранных купцов в 1857 г. на американском барке «Бернгам» в Николаевск из Гонконга прибыл прусский негоциант Фридрих Август Людорф. Дела задержали его дольше, чем ожидалось, и он не успел выехать из России морем (время разлива Амура прошло и навигация по реке была завершена). Он обратился к местным властям с просьбой разрешить вернуться ему в Европу через Россию. На свой страх и риск генерал-губернатор М. С. Корсаков разрешил ему приехать в Иркутск, где тот ждал шесть месяцев ответа Третьего отделения. После этого председательствующий в совете Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) К. К. Венцель обратился в Петербург с просьбой о разрешении региональным властям предоставлять иностранцам паспорт «ибо случай может повториться»<sup>36</sup>.

В феврале 1861 г. Министерство внутренних дел передало в Иркутск полномочия по выдаче паспортов на путешествие иностранцев через Сибирь в Европейскую Россию. Генерал-губернатор с помощью жандармов и сотрудников полиции должен был осуществлять наблюдение за ними на территории края<sup>37</sup>.

Первым, кто получил возможность испытать на себе действие новых правил, стал член прусской экспедиции в Японии и Китае г-н Штейн<sup>38</sup>.

В апреле 1862 г. через Сибирь следовал иностранец Э. Бишон, агент некоего предпринимателя Рейтера в Пекине. За Бишоном было установлено наблюдение чиновников Департамента полиции МВД и офицеров штаба сухопутных и морских войск Восточной Сибири<sup>39</sup>.

Если иностранец отклонялся от маршрута, как было в 1866 г. с американским путешественником Михманом, он вежливо возвращался на почтовую станцию и предупреждался об ответственности за незаконное перемещение в приграничной зоне<sup>40</sup>.

В сентябре 1864 г. было удовлетворено ходатайство исполняющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова о «дозволении иностранным путешественникам без особого на то разрешения высшего правительства путешествовать по Восточной Сибири»<sup>41</sup>.

---

<sup>35</sup> Синиченко В. В. Указ. соч. С. 308.

<sup>36</sup> ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 9. Л. 1–12.

<sup>37</sup> Там же. Л. 16–27.

<sup>38</sup> Там же. Л. 35.

<sup>39</sup> Там же. Л. 50.

<sup>40</sup> Там же. Л. 56.

<sup>41</sup> Там же. Л. 111.

Но и в этом случае все иностранцы, пребывающие в Восточной Сибири, находились под наблюдением, которое осуществлялось с помощью офицеров генерального штаба, жандармов и сотрудников полиции. Информация об этом регулярно направлялась штаб-офицерами жандармерии в третью экспедицию Третьего отделения.

Особое внимание жандармы уделяли существующим в православии старообрядческим и сектантским течениям. Делами, связанными с расколом и сектантством, занималась вторая экспедиция Третьего отделения царской канцелярии. Восточная Сибирь была местом, где проживало большое количество раскольников-староверов, наблюдение за которыми осуществлялось силами жандармерии и полиции. Еще в 1817 г. в Сибирь прибыла английская миссия протестантской церкви. Объектом ее пропаганды стали именно старообрядцы. Но вследствие высказанного императором «недовольства в политическом отношении» англичане были депортированы из Российской империи<sup>42</sup>.

Отношение губернских властей к старообрядцам было терпимым. Так, в донесении начальника Иркутского губернского жандармского управления полковника Янковского сообщалось следующее: «Другая, довольно многочисленная отрасль ссыльных – старообрядцы своим трудолюбием, честностью и отвращением от пьянства может считаться лучшим слоем сибирского населения. Понятно, что из их числа необходимо исключить скопцов, всегда стремящихся к распространению своей секты»<sup>43</sup>.

Лояльное отношение жандармерии и губернских властей к раскольниковым неоднократно приводило к конфликтам между высшими светскими и духовными администраторами губернии. Так, видя большие хозяйственные успехи старообрядцев, генерал-губернатор Н. Н. Муравьев (1848–1861 гг.) не одобрял решительных мер по их приобщению к официальной церкви, предпринимаемых главой иркутской епархии Нилом Исаковичем (1838–1853 гг.). Конфликт привел к тому, что Нил Исакович вынужден был покинуть иркутскую кафедру<sup>44</sup>.

Тем не менее Иркутское губернное жандармское управление внимательно следило за сектантами и раскольниками и в случае необходимости принимало решительные меры<sup>45</sup>. Так, «по причине распространения нового религиозного лжеучения»<sup>46</sup> в Иркутске было закрыто в 1876 г. «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», созданное отставным гвардии поручиком Пашковым.

---

<sup>42</sup> Синиченко В. В. Указ. соч. С. 307.

<sup>43</sup> Шаврова А. В. Указ. соч. С. 99.

<sup>44</sup> См.: Дулов А. А. Взаимоотношения светских и духовных властей Восточной Сибири (1806–1860 гг.) // Иркутская область в панораме веков. Иркутск, 1997. С. 57.

<sup>45</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 926. Л. 71.

<sup>46</sup> Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1518. Л. 39.

В циркулярном письме ИГЖУ от 1 ноября 1904 г. иркутскому уездному исправнику и приставу четвертого стана приказывалось предоставить «...сведения о всех регистрируемых или перерегистрируемых вероисповедческих (старообрядческих или сектантских) согласиях и о наименовании толков, вероучений и согласий с приблизительным предъявлением числа душ...»<sup>47</sup>.

Привлечение раскольниками и сектантами новых верующих встречало жесткое противодействие жандармов. Так, в частности, жандармы ходатайствовали перед губернатором о закрытии сектантских церквей по той причине, что по действующим в империи узаконениям (Свод законов Т. XIV. Ст. 18. Изд. 1876 г.), одна только господствующая православная церковь имеет право в пределах государства убеждать не принадлежащих к ней подданных к принятию учения и веры<sup>48</sup>.

На тех же основаниях жандармы препятствовали проникновению в Сибирь и буддийских лам, прибывавших из Китая для занятий платным богослужением и лечением инородцев. Заподозрив в них невольных агентов Пекина, подрывающих российское влияние в полосе русско-китайской границы, региональные власти отбирали на границе у буддийских проповедников предметы культа и имущество, приобретенные «пропагандой».

Кроме этого, под предлогом того, что свободное передвижение по стране разрешено только для торгующих, был воспрещен вторичный въезд в пределы страны тех лам, которые были замечены в осуществлении богослужений. Однако принятые меры не обеспечивали в должной мере идеологическую безопасность России. Буряты и другие буддисты региона, пользуясь слабостью пограничных служб, тайно перебирались и проживали в Монголии, справляя необходимые для них религиозные обряды<sup>49</sup>.

Данное обстоятельство жандармерия использовала в политических целях. Она вербовала среди бурят шпионов, которые постоянно поставляли сведения о концентрации цинских войск в Монголии, их снабжении, политических событиях и неурядицах в Урге. С российскими спецслужбами активно сотрудничали монголы. Военным губернатором Забайкальской области в качестве представителя торгового дома «Собенников и братья Молчановы» был командирован хорошо знавший китайских торговцев и монгол собиравший через них сведения Цокто Гармаев (Бадмажапов)<sup>50</sup>.

В этой связи необходимо отметить, что с 1907 г. Министерство внутренних дел периодически циркулярами поручало жандармским властям и полиции усиливать наблюдение за иностранными шпионами, не наделяя при этом их никакими инструкциями и наставлениями, а также не выделяя

---

<sup>47</sup> ГАИО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 266. Л. 44.

<sup>48</sup> Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1829. Л. 8.

<sup>49</sup> Там же. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 171. Л. 59–63.

<sup>50</sup> Там же. Ф. 25. Оп. 11. Д. 12. Л. 58.

дополнительных средств на выполнение ими же данных поручений, которые носили весьма дорогостоящий характер<sup>51</sup>.

Крупную группу политических ссыльных 60-х годов составляли участники восстания 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Белоруссии. Общее число ссыльных повстанцев составляло 22 тыс. человек<sup>52</sup>. Осужденные на каторгу почти все за исключением 11 человек были отправлены в Иркутскую и Забайкальскую области. В Восточную Сибирь были сосланы наиболее активные участники польского восстания, принадлежащие к направлению «красных». Осужденные на каторгу работали на Александровском винокуренном заводе (Иркутский округ) и соленых варницах в Усолье и Усть-Куте<sup>53</sup>.

Появление поляков в Сибири заметно активизировало попытки католической церкви по проникновению в регион.

Правительству Николая I была хорошо известна роль католической веры в восстаниях в Польше, поэтому после подавления польского восстания 1830 г. контроль над деятельностью нетрадиционных конфессий был усилен, для них были введены жесткие правила регистрации. Деятельность отличавшегося наибольшей русофобской активностью католического монашеского ордена иезуитов была запрещена, а функционеры этого ордена изгнаны из России<sup>54</sup>.

Когда в 1865 г. маньчжурский католический епископ попросил российские власти не мешать сношениям католиков, проживающих в Сибири, с расположенной в Китае миссией, то генерал-губернатор М. С. Корсаков потребовал у военных губернаторов доставить ему точный список католиков и одновременно предписал военному губернатору Приморской области «...не допускать ни под каким предлогом миссионеров в пределы вверенной Вам области, тем более что при знании ими туземных языков и при нахождении во вверенных Вашему командованию войсках бывших политических преступников (поляков. – С. К.) они могут преследовать и другие цели». Учитывая, что ранее российские власти дважды пресекали попытки французских миссионеров прибыть в Восточную Сибирь, епископ просил предоставить русские паспорта своим священникам. Предложение епископа отклонили. Ему было сообщено, что иностранная пропаганда в России запрещена. Для католиков и лютеран в Восточной Сибири священнослужители назначаются правительством<sup>55</sup>. Что касается французских католических миссионеров, то, по мнению региональных властей, «допущение

---

<sup>51</sup> См.: Галвазин С. Н. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001. С. 37.

<sup>52</sup> Коваль С. Ф. За правду и волю. Иркутск, 1966. С. 46.

<sup>53</sup> История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 114.

<sup>54</sup> Курицын В. М. Указ соч. С. 27.

<sup>55</sup> Сибирь и Министерство внутренних дел // Сибирские вопросы. СПб., 1908. № 33. С. 58.

такого рода людей в наши пределы, независимо от вреда пропаганды, могло бы иметь свои неудобства». А потому М. С. Корсаков снова предписывал «не делая никакого насилия, объявлять по-прежнему о недозволении жить иностранцам-миссионерам в России»<sup>56</sup>. Последующие события показали, что опасения властей были вовсе не беспочвенны.

Поляки, попавшие в Сибирь, продолжали сопротивление властям, они подняли новое восстание летом 1866 г. на берегах Байкала.

На подавление восстания из Иркутска были срочно отправлены отряд казаков и три отряда пехоты. Из Селенгинска двинулся отряд забайкальских казаков с двумя орудиями.

Поляки надеялись на присоединение к ним местного населения, но этого не произошло. На подавление восстания властям понадобилось чуть меньше месяца. Было убито 35 человек.

Поляков – политических каторжан, захваченных во время подавления восстания, отправляли в Иркутск, под строгим караулом размещали в казармах на Преображенской улице.

После следствия, осенью 1866 г. проходил военно-полевой суд по делу о кругобайкальском восстании.

Из 718 человек, работавших на тракте, перед судом предстали 680. Четыре руководителя – Г. Шарамович, Я. Рейнер, Н. Целинский, В. Котковский были расстреляны в Иркутске за Якутской заставой. 197 человек были приговорены к 100 ударам кнутом и бессрочной каторжной работе на рудниках; 122 человека суд приговорил к телесному наказанию и увеличению сроков каторги<sup>57</sup>.

Вопрос о восстании на Байкале освещался в печати польских политических эмигрантов за границей. Под давлением общественного мнения царское правительство было вынуждено принять некоторые меры по смягчению участи политических ссыльных. Вскоре после восстания 1866 г. «положение всех ссыльных поляков заметно улучшилось»<sup>58</sup>. Тем не менее жандармерия делала все возможное, чтобы не допустить в дальнейшем подобные выступления.

В 1878 г. французский посланник в Пекине Бурбулон попросил дозволить ему с женой и супругой министра-резидента России в Китае Баллюзена проехать через Иркутск. Поскольку на пути следования Бурбулона проживали поляки католики, у российских властей возникло опасение, что посланник найдет в них шпионов, поэтому было решено следить за посланником и не допускать его общения с католиками в целях предотвращения «политической пропаганды»<sup>59</sup>.

---

<sup>56</sup> ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 148. Л. 254–255.

<sup>57</sup> История Сибири. С. 119.

<sup>58</sup> Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 212.

<sup>59</sup> ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 9. Л. 43–44.

Охранительная деятельность жандармерии в отношении ссыльных поляков дала свои результаты. В дальнейшем активных выступлений ссыльных поляков не наблюдалось. В донесении начальника ИГЖУ полковника Янковского, направленном в 1875 г. в Третье отделение отмечалось: «В настоящее время большинство политических ссыльных составляют поляки, которые вообще принесли Сибири значительную пользу. По преимуществу, происходя из ремесленного класса, поляки, получившие хоть некоторое образование, занимаются здесь разными мастерствами или мелкою торговлею и ведут жизнь трудолюбивую, не предаваясь пьянству, развившемуся между остальными ссыльными до крайних пределов. В политическом отношении, за исключением весьма немногих личностей, закоренелых в своих убеждениях, большинство поляков совершенно безвредны, чему отчасти может служить доказательством, что некоторые из них вступают в браки с русскими, не возбуждая ненависти остальных»<sup>60</sup>.

В 1883 г. повстанцам было разрешено вернуться на родину, но часть поляков осталась в Сибири до конца жизни. Они нашли здесь друзей и родных, привыкли к условиям сибирской жизни, некоторые из них поступили на государственную службу. Так, в 90-е годы XIX в. начальником Александровского централа был назначен бывший политический ссыльный, участник восстания в Польше в 1863 г. И. И. Лятоскович<sup>61</sup>.

Ограничения распространялись не только на поляков католиков. Особую тревогу жандармов вызывало устройство лютеранских миссионерских празднеств. Так, начальник ИГЖУ в циркулярном письме от 31 января 1890 г. к иркутскому полицмейстеру потребовал от последнего полного исполнения циркуляра министра внутренних дел от 10 июня 1889 г. за № 2772 о воспрещении устройства евангелическо-лютеранских миссионерских празднеств, производство сборов на потребности протестантской миссии в России и за границей. Эти открытые богослужения, по мнению жандармов, плохо влияли на чувства православных верующих и подрывали авторитет православной церкви. Открытое собирательство денежных средств на поддержку чуждых православию религий вызывало негативную реакцию жандармов.

Так, в частности, жандармы предупреждали проповедников, что строжайше обязаны «...не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих им религий, в противном случае они подвергаются взысканиям в уголовных законах определенным»<sup>62</sup>.

В 1898 г. в связи с приходом в Иркутск Транссибирской железнодорожной магистрали был создан отдел жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги, который позднее разделился на два отдельных управления (управление Забайкальской железной дороги

<sup>60</sup> Шаврова А. В. Указ. соч. С. 99.

<sup>61</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 24. Д. 65. Л. 10.

<sup>62</sup> Там же. 91. Оп. 1. Д. 1829. Л. 8.

и управление Сибирской железной дороги). Жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги размещалось в Иркутске. В его ведении находился обширный участок железной дороги протяженностью от Иркутска до Маньчжурии. Это расстояние делилось на семь участков: Иркутский (ст. Иркутск), Байкальский (ст. Слюдянка), Верхнеудинский (ст. Верхнеудинск), Петровско-Заводской (ст. Петровский завод), Читинский (ст. Чита), Сретенский (ст. Сретенск), Маньчжурский (ст. Маньчжурия). Каждый из семи участков находился в ведении отделений с начальником во главе<sup>63</sup>.

Эти органы выполняли полицейские функции на железнодорожном транспорте. Но, кроме борьбы с преступностью, железнодорожная жандармерия выполняла обширные задачи по обеспечению бесперебойного функционирования дорог, для чего наблюдала за исполнением «Полицейских железнодорожных правил». Этот акт определял весь порядок работы железных дорог – от формирования поездов до способа подачи аварийных сигналов. Поэтому жандармы следили за исправностью пути, чистотой на перронах, правильностью составления грузовой документации, сохранностью пломб на дверях вагонов, имели право отстранять от работы поездную бригаду в случае её нетрезвости, словом, представляли собой как бы вторую администрацию дороги<sup>64</sup>.

В то же время железнодорожная жандармерия выполняла и функции политической полиции, внимательно следя за любыми проявлениями революционной деятельности на всём протяжении «Великого Сибирского пути»<sup>65</sup>.

Транссибирская магистраль связала Сибирь с центрами европейской цивилизации, внесла оживление в развитие экономики, культуры, общественно-политической жизни. Вместе с тем заметно усилилось проникновение революционных идей на сибирскую почву.

Основным направлением деятельности Департамента полиции всё же оставался политический сыск, как один из приёмов борьбы с революционным движением в России.

В августе 1881 г. царское правительство принимает «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»<sup>66</sup> для борьбы с революционным движением.

1 марта 1882 г. принимается «Положение о негласном надзоре полиции» за лицами сомнительной политической благонадежности, которое

---

<sup>63</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 7. Л. 4; Памятная книжка Иркутской губернии на 1901 г. Иркутск, 1901. С. 253.

<sup>64</sup> Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. М., 1996. С. 61.

<sup>65</sup> Сибирские письма // Сибирские вопросы. СПб., 1911. № 33. С. 85.

<sup>66</sup> ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 1. № 350.

особым циркуляром Департамента полиции от 12 апреля 1883 г. за № 1442 было распространено на Иркутскую губернию<sup>67</sup>.

Однако и эти меры считались недостаточными. Как отмечалось в одном из секретных циркуляров Министерства внутренних дел в начале XX в., «при возрастающем с каждым годом количестве негласноподнадзорных и развитии в течение последнего десятилетия организаций с преступными политическими целями, предупредительная борьба с ними путем негласного надзора, осуществляемого на основании Положения 1 марта 1882 г. через чинов полиции, является крайне недостаточной», поэтому министерство потребовало «противопоставления лицам, неблагонадежным в политическом отношении, соответственной, вооруженной опытом и знаниями силы, специально организованной политической полиции, чинов жандармских управлений и охранных отделений с их агентурой и наружным наблюдением»<sup>68</sup>.

Еще в 1866 г. после покушения Каракозова на Александра II при Санкт-Петербургском градоначальнике было создано «Отделение по охране порядка и общественного спокойствия», которое должно было вести оперативную работу в революционной среде. В 1883 г. было утверждено положение «Об устройстве секретной полиции в Империи», которое предусматривало создание таких же отделений в наиболее крупных городах. Руководство этими органами было возложено на инспектора секретной полиции, каковым был назначен подполковник Г. П. Судейкин.

Окончательно охранные отделения оформились в 1902 г., когда циркуляром Департамента полиции № 5200 было объявлено утвержденное министром внутренних дел «Положение о начальниках розыскных отделений», которые в народе назывались «охранками». Каждое такое отделение состояло из канцелярии, отдела внутреннего наблюдения и отдела наружного наблюдения<sup>69</sup>. Штаты отделений зависели от оперативной обстановки на обслуживаемой территории. В 1903 г., например, в Иркутском охранном отделении числилось 8 человек<sup>70</sup>.

Значимость «Положения о начальниках розыскных отделений» состояла в том, что оно четко разграничило компетенцию охранных отделений и жандармских управлений, указав, что жандармы занимаются производством дознаний по политическим преступлениям, а охранка – оперативно-розыскной деятельностью по этим же делам. Нужно сказать, что между Департаментом полиции и отдельным корпусом жандармов существовали серьезные трения, вызывавшиеся независимостью жандармерии. Именно поэтому Департамент полиции подчинил охранные отделения се-

---

<sup>67</sup> Курицын В. М. История полиции России. М., 1998. С. 132.

<sup>68</sup> Шинджихашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974. С. 50.

<sup>69</sup> Органы и войска МВД России (краткий исторический очерк). М., 1996. С. 61.

<sup>70</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.

бе, как бы «отодвинув» жандармерию от оперативной работы. Несмотря на то, что Департамент полиции и отдельный корпус жандармов были объединены подчинением товарищу министра, заведующему полицией, органы эти были разобщены, так как жандармерия как организация военная была совершенно независима от невоенного Департамента. Причем жандармы всячески старались сохранить и сохранили свою независимость вплоть до февраля 1917 г. «Положение о начальниках розыскных отделений» в какой-то мере преодолело эту разобщенность, указав, что жандармы обязаны допускать сотрудников охранных отделений к своей документации, а аресты проводить только по указанию или с их согласия.

Начальником Иркутского охранного отделения был назначен ротмистр Гаврилов. В соответствии с положением в строевом отношении он подчинялся начальнику губернского жандармского управления. Указания же относительно служебной деятельности он получал от Департамента полиции. Таким образом, охранные отделения были органами исключительно оперативно-розыскной работы, подчинявшимися Департаменту полиции, и никаких дознаний, а тем более следствия, не вели.

До осени 1905 г. Иркутское охранное отделение практически не прибегало к арестам за политические выступления, поскольку требования выступавших носили преимущественно экономический характер, но постепенно ситуация изменилась. Вот что доносил по этому поводу 16 января 1905 г. директору Департамента полиции начальник Иркутского охранного отделения, ротмистр Гаврилов: «Рабочие беспорядки в городах С.-Петербурге и Москве, с одной стороны, и агитация местных революционных элементов – с другой возбудили среди местных рабочих желание поддержать своих товарищей устройством ряда забастовок с предъявлением на первых порах требований чисто экономического характера, при невыполнении же их со стороны хозяев – устроить забастовку, выставив на этот раз требования политического характера, главным образом прекращение войны»<sup>71</sup>.

В это же время в качестве оружия политической борьбы с самодержавием революционные партии всё шире начинают использовать террор. В начале XX в. в России имелось три направления (течения), применявших в качестве форм политической борьбы средства и методы террора: социалисты-революционеры (эсеры), анархисты, социал-демократы (партия большевиков после 1905 г.). Главная стратегическая цель их совпадала – свержение самодержавия. Программы расходились относительно последующего государственного устройства, новых политико-экономических моделей российского общества. Однако были схожи тактические принципы: пропаганда, агитация и террористические акции.

---

<sup>71</sup> Цит. по: Зобачев И. Г. Сибирь в первую русскую революцию 1905–1907 гг. Новосибирск, 1955. С. 27.

Основной базой, на которой в последней четверти XIX в. в России сформировалось явление, получившее название политический терроризм, следует считать: традиции крестьянских бунтов (Булавин, Болотников, Разин, Пугачев); идеи Французской революции; учения германских философов и социалистов (Штирнер, Ницше, Маркс); манифесты и памфлеты российских революционеров (Бакунин, Нечаев, Кравчинский, Морозов, Кропоткин).

Родоначальниками терроризма были народники, а их приемниками – народовольцы и анархисты. «Индивидуальный террор как метод политической революции – именно русское изобретение», категорично подчеркивал Троцкий, связывая терроризм конкретно с движением «народничества» во второй половине XIX в., возникшим (как это зачастую бывает с терроризмом в переломную эпоху) в период «великих реформ».

Наиболее широко в качестве оружия политической борьбы террор использовался в России в первое десятилетие XX столетия, хотя в арсенале революционно-демократического движения он появился в конце XIX. Связано это было с выходом на политическую арену крупной, влиятельной партии социалистов-революционеров, сделавшей на него главную ставку<sup>72</sup>.

С 1902 по 1911 г. эсеры совершили более 200 покушений и террористических актов. Объектами стали 2 министра, 33 губернатора и генерал-губернатора, 16 градоначальников, начальников охранных отделений, полицмейстеров, прокуроров, помощников прокуроров, начальников сыскных отделений, 24 начальника тюрем, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 полицейских агентов<sup>73</sup>.

Непонимание нарождающегося врага во всем его значении со стороны центрального правительства не могло не отразиться на местах. «Жандармские управления не знали нового движения, а, следовательно, не могли и бороться с ним, да к тому же они не имели на то средств. Кредит того времени на розыск или на так называемые агентурные расходы был мал до смешного»<sup>74</sup>.

Первые эсеровские группы появились в Сибири еще в 1902–1904 гг. Основными источниками формирования и пополнения организаций партии революционеров (ПСР) были городские мелкобуржуазные слои, интеллигенция, учащиеся, студенты и рабочие. До первой русской революции в Иркутской губернии существовали незначительные группы сторонников программы ПСР. Вплоть до конца 1904 г. она занималась лишь организационной работой в силу малочисленного состава. В начале 1905 г. иркутская группа ПСР начинает проявлять активную деятельность, выпускает воззвания и прокламации. После Кровавого воскресенья тактическим лозунгом эсеров стал лозунг вооруженного восстания. Под влиянием собы-

<sup>72</sup> См.: Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992. С. 3–4.

<sup>73</sup> Галвазин С. Н. Указ соч. С. 102.

<sup>74</sup> Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 67.

тий эсеры пересматривают задачи своей деятельности. Наряду с продолжением центрального террора предполагалось начать и местный.

Первый террористический акт в столице Восточной Сибири состоялся 10 июля 1905 г., было совершено покушение на иркутского генерал-губернатора графа П. И. Кутайсова. Суть дела состояла в следующем: 10 июля 1905 г. унтер-офицер Левандовский заметил, как в Интендантский сад генерал-губернатора был брошен сверток, обернутый сахарной бумагой<sup>75</sup>. О подозрительной находке сразу же было доложено генерал-губернатору и в жандармское управление. Жандармы тщательно обследовали сверток, оказавшийся самодельной бомбой, и пришли к выводу, что взрыв мог бы произойти, если бы шнур подожгли, но сила взрыва была бы незначительной. При этом указывалось, что если бы взрыв произошел около здания, то опасность разрушения ему бы не угрожала, однако стоящие рядом люди могли бы получить повреждения.

При производстве дознания подозрение в покушении на графа Кутайсова пало на двух евреев, торговцев готовым платьем – купца А. Бохмана и мещанина Я. Фишмана. Но дознание зашло в тупик, причины и мотивы покушения так и остались неизвестными<sup>76</sup>. Необходимо отметить, что Иркутское губернское жандармское управление впервые в своей практике столкнулось с покушением на высшее должностное лицо губернии. В составе ГЖУ не было квалифицированных специалистов по борьбе с революционными террористическими организациями, что в последующем вынужден будет признать начальник Иркутского охранного отделения ротмистр М. Л. Гаврилов<sup>77</sup>. Судя по дальнейшим событиям, внутренняя агентура также была слаба и не могла своевременно получить сведения о готовящихся террористических актах.

В конце 1905 г. из состава иркутского отделения партии эсеров выделилась группа лиц с наименованием Боевая организация (БО). Она взяла на себя обязанности по подготовке и осуществлению террористических мероприятий по отношению к местным представителям государственной власти<sup>78</sup>.

Первый индивидуальный террористический акт эсеры совершили в конце декабря 1905 г. Покушение состоялось на иркутского вице-губернатора В. А. Мишина. В телеграмме командиру корпуса жандармов сообщалось, что «...23 декабря, в 10 утра произведено покушение на исполнявшего должность губернатора, статского советника Мишина, при входе последнего в губернаторское управление, ранен легко револьверной пулей, находившийся у входа солдат ранен тяжело. Злоумышленники

---

<sup>75</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 80. Л. 5.

<sup>76</sup> Там же. Л. 7.

<sup>77</sup> Там же. Д. 106. Л. 146.

<sup>78</sup> Романов Г. И. Террор и власть // Земля Иркутская. 1997. № 8. С. 53.

скрылись»<sup>79</sup>, а 28 декабря утром на улице возле своего дома был убит временно исполняющий обязанности иркутского полицмейстера А. П. Драгомиров<sup>80</sup>.

Все полицейские силы города были задействованы в поисках злоумышленников. Иркутским охранным отделением было установлено, что оба террористических акта совершены одним лицом, позже была установлена личность стрелявшего в вице-губернатора Мишина и убившего полицмейстера Драгомирова. Исполнителем оказался иркутский крестьянин А. Катников<sup>81</sup>. О причастности БОПСР к террористическим актам были изданы прокламации, причем в одной из них указывалось, что причиной покушения на В. Л. Мишина явилось отмщение за распоряжения, вследствие которых были произведены многочисленные аресты и применялись другие меры к прекращению почтово-телеграфной забастовки, и вообще к прекращению беспорядков.

Летом и осенью 1905 г. революционное движение развивается по восходящей линии. В октябре Всероссийская политическая стачка охватывает и Сибирь. Чтобы «заглушить» революционные выступления, правительство мобилизует собственные силы, состоящие из жандармерии, полиции и казачества<sup>82</sup>.

Тем не менее к 16 октября весь Иркутск был охвачен забастовкой: прекратили работу все служащие железнодорожных учреждений, вокзала, рабочие депо, служащие на линии, машинисты, приказчики, служащие почтово-телеграфного ведомства, Сибирского и Китайского банков, городского общественного управления, гласные Думы, адвокаты, инженеры, учителя начальных школ, купцы, служащие горного управления и монополии. Извозчиков на улице не было, а также прекратилось освещение улиц, подвоз съестных припасов и торговля предметами первой необходимости. Городская управа не имела возможности принять какие-либо меры, потребовалось особое разрешение стачечного комитета на продажу мяса и других съестных припасов. По городу распространялись воззвания революционных партий как восхвалявших стачку, так и противоположного содержания, изданные от имени лиц, не сочувствующих стачке<sup>83</sup>.

Отрицательное отношение к стачке отмечалось среди многих жителей Иркутска, на почве чего произошло несколько столкновений. Так, утром 17 октября на одной из площадей Иркутска группа забастовщиков

---

<sup>79</sup> Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. СПб., 1908. С. 82.

<sup>80</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп.1. Д. 151. Л. 282.

<sup>81</sup> Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. С. 82.

<sup>82</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 457. Л. 5.

<sup>83</sup> Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. С. 69.

стала требовать от ломовых извозчиков прекращения работы. Один из забастовщиков стал распрягать лошадь отказавшегося извозчика. Сбежавшиеся на их крики люди напали на забастовщиков. В схватке были убиты два брата Виннеры (студент и гимназист), приказчик Сизых, а также получили лёгкие ранения около 20 человек<sup>84</sup>.

Стачечники, среди которых распространились слухи об организации чинами администрации и корпуса жандармов чёрной сотни, тогда же 17 октября, собравшись в значительном числе, направились к охранному отделению с целью разгромить его, но были рассеяны войсками<sup>85</sup>.

В этой связи необходимо отметить, что в отличие от Томска, где действительно были черносотенные организации, убедительных свидетельств организации властями черной сотни в Иркутске не найдено. К тому же руководители революционного движения вкладывали в понятие «черносотенец» довольно широкий смысл.

Так, В. И. Ленин писал: «Кто не за революцию, тот черносотенец... Это говорят всем и каждому залитые кровью камни мостовых в Москве и Одессе, в Кронштадте и на Кавказе, в Польше и Томске»<sup>86</sup>.

Политическая стачка, охватившая города и железнодорожные станции губернии, вызывала серьёзную тревогу у местной администрации. 19 октября генерал-губернатор Восточной Сибири Кутайсов телеграфировал царю: «Положение отчаянное, войск почти нет, бунт полный, всеобщий: опасаюсь подкрепления бунтовщиков железнодорожными рабочими. На усмирение надежды пока мало. Прошу разрешения объявить военное положение, дав мне лично обширные права телеграфом»<sup>87</sup>.

В то же время начальник Иркутского жандармского управления телеграфировал в Департамент полиции: «Забайкальская железная дорога фактически в руках революционеров... в Чите войска присоединились к революционерам; полиция заменена на милицию»<sup>88</sup>, он также настоятельно просил прислать «надежные» войска.

Ответной мерой правительства на события в городе явилось введение в Иркутске военного положения. Установить порядок в городе полиции и жандармерии помогли 5-й Иркутский и 6-й Енисейский полки второй Сибирской пехотной дивизии<sup>89</sup>. Большинство революционных организаций города продолжали открыто существовать до введения военного положения, т.е. до конца декабря 1905 г. В начале января следующего года

---

<sup>84</sup> Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. С. 70.

<sup>85</sup> Там же. С. 71.

<sup>86</sup> Ленин В. И. Полн собр. соч. Т. 12. С. 56.

<sup>87</sup> Романов Г.И. Указ. соч. С. 55.

<sup>88</sup> Там же. С. 54.

<sup>89</sup> Там же. С. 55.

чины жандармской полиции приступили к ликвидации революционных организаций и произвели аресты их руководителей и ведущих деятелей<sup>90</sup>.

В январе 1906 г. для подавления революционного движения в Сибири царское правительство отправило по линии Сибирской железной дороги две карательные экспедиции. Одна из них под командованием барона А. Н. Меллер-Закомельского двинулась из Москвы, другая во главе с П. К. Ренненкампом – из Маньчжурии. Им были предоставлены самые широкие полномочия. Карательные меры, направленные на подавление революционного террора и антиправительственных выступлений, вызвали массовое недовольство населения своим положением, противоречили принципам правозаконности<sup>91</sup>.

Положение «Правил о призыве войск для содействия гражданским властям»<sup>92</sup> и акт о военно-полевых судах легализовали расправы над требующими социальных реформ людьми.

Жандармерия, до этого ограничивающаяся превентивными мерами, приступает к арестам главных участников беспорядков. 18 октября, после получения сведений о раздаче оружия «Боевой дружине» и «Народной милиции» в клубе приказчиков, туда направляется жандармский офицер в сопровождении двух рот солдат. При их появлении толпа разбежалась, тем не менее удалось отобрать 23 револьвера системы «Браунинга» и арестовать 6 человек, раздававших оружие. 19 октября рота солдат с жандармским офицером во главе прекращает сходку в помещении Городской управы, при этом арестовано 10 человек и отобраны все найденные документы. Благодаря продолжавшимся арестам (всего арестовано 59 человек) беспорядки стали утихать, и 20 октября забастовки прекратились<sup>93</sup>.

Необходимо отметить, что при подавлении революционных выступлений в октябре 1906 г. жандармерия действовала решительно и профессионально, стараясь избежать кровопролития. При рассеивании массовых собраний и производстве арестов жандармами и солдатами не было сделано ни единого выстрела<sup>94</sup>. К моменту прибытия карательных экспедиций жизнь в городе уже вошла в обычное русло.

В начале 1906 г. революционные организации Иркутска ушли в подполье, где продолжали работу по подготовке террористических актов.

---

<sup>90</sup> Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. С. 83.

<sup>91</sup> См.: Фролов В. В. Деятельность полиции России по укреплению правопорядка в начале XX века (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 15.

<sup>92</sup> Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906 г. № 34. Отд. 1. Ст. 188. С. 467–472.

<sup>93</sup> Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. С. 71–72.

<sup>94</sup> Обзор революционного движения в губерниях и областях Восточной Сибири за десятилетие со времени судебной реформы к 1 января 1908 г. СПб., 1908. С. 55–117.

По сведениям, полученным в январе 1906 г. охранным отделением, готовились новые убийства должностных лиц, среди которых были тот же вице-губернатор Мишин, первое покушение на которого окончилось неудачей, начальник жандармского управления полковник Кременецкий и начальник охранного отделения ротмистр Гаврилов.

Покушение на жизнь последнего, по всей видимости, готовилось 27 января, так как четыре человека, по негласным сведениям, принадлежащие к местной группе социалистов-революционеров, в течение нескольких часов усиленно наблюдали за его квартирой, и в течение того же времени несколько раз без видимой надобности проезжала «кошева» (сани) с лицами, относившимися, по тем же сведениям, к числу эсеров. При аресте у троих из них были найдены револьверы. В результате следствия были установлены личности террористов: М. Фельдман, З. Селектор, Х. Селектор и И. Ров<sup>95</sup>.

Стремясь предотвратить террористические акты, охранное отделение произвело ряд обысков и арестов среди социалистов-революционеров, но полностью обезвредить террористов не удалось.

В ответ на репрессии властей в категорию врагов были зачислены не только представители высшей администрации: эсеры объявили войну всем, кто хоть как-то олицетворял собой власть. В январе 1906 г. на железнодорожной станции Иркутск было совершено три покушения на убийство должностных лиц. Составитель поездов произвел четыре выстрела из револьвера в начальника станции, затем некто Сапожников при аресте его по обвинению в государственном преступлении стрелял в полицейского надзирателя и, наконец, 26 июля бывший приказчик железнодорожной лавки произвел выстрел в начальника 13 участка тяги Сибирской железной дороги инженера Ковзана. Будучи арестован, преступник заявил, что он стрелял во исполнение приговора социалистов-революционеров<sup>96</sup>.

В сентябре 1906 г. на даче Крахмаля была обнаружена типография местного комитета и разрывной снаряд, предназначавшийся, по негласным сведениям, для покушения на жизнь Ренненкампфа, как возмездие за его деятельность в подавлении беспорядков на Забайкальской железной дороге и в городе Чите. В связи с этим на предварительном следствии было установлено много данных, касающихся деятельности местных эсеров в целом, и боевиков в частности.

По делу арестованы следующие лица: Т. А. Крахмаль, Л. С. Прейсман, П. И. Файнберг, Е. А. Языкова, А. Д. Пономарев, Л. Я. Гольдберг, М. М. Урванцев, М. М. Аникина, Б. И. Ключин, Ф. К. Добровольский, (проходивший под кличкой «Фартовый»), Д. И. Либман, («Чалый»), М. Л. Меерович, Е. С. Измайлов, А. Семенов, Н. А. Галкин, Н. Л. Мехов,

<sup>95</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 161. Л. 62.

<sup>96</sup> Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. С. 110.

М. А. Левенсон, Б. Б. Розенфельд, Н. Н. Рудковский, М. А. Старов, С. М. Обухов, В. П. Морозов. Некоторые из них имели подложные паспорта, почти у каждого при аресте изъяты револьверы разных систем<sup>97</sup>.

При аресте у Н. Рудковского обнаружили рукописный экземпляр устава боевой организации иркутского комитета ПСР. Также было установлено, что представителями террористического направления являются следующие лица: Н. Рудковский, Д. Либман, П. Файнберг, Б. Ключин, В. Свидовский, Ф. Добровольский, К. Лукин, Л. Гольдберг, М. Меерович, М. Ставров, Е. Обухов<sup>98</sup>.

Аресты ослабили местную организацию эсеров, в результате чего до конца 1906 г. внешних проявлений их деятельности не замечалось. Но индивидуальные террористические акты имели место. В октябре около двух часов дня в возвращающегося пешком из штаба корпуса генерала Ренненкампфа на Амурской улице злоумышленником был брошен снаряд, причем взорвалась только часть состава. Генерал оказался невредим, пострадавших не было. На этот раз охранке понадобилось всего несколько часов, чтобы выявить и задержать покушавшегося. Однако он отказался назвать себя, заявив, что «принадлежит к летучему боевому отряду ПСР» – гласила телеграмма в Департамент полиции. Исполнителем теракта оказался политический ссыльный из Нарыма Н. В. Коршун. Через сутки он был казнён через повешение в тюремном замке<sup>99</sup>.

Террористические акции эсеров беспокоили охранку. Так, иркутский начальник охранного отделения М. Л. Гаврилов в письме за № 455 в марте 1907 г. за грифом «совершенно секретно» и «конфиденциально» обращался к начальнику Московского охранного отделения Е. К. Климовичу, а также к другим начальникам «охранок» с просьбой прислать в Иркутскую губернию опытного секретного сотрудника, если «такой лишний имеется», «желательно работника по организации социалистов-революционеров»<sup>100</sup>.

Следующим террористическим актом явилось покушение на ротмистра Гаврилова: 28 августа 1907 г. на Саломатовской улице Иркутска в него произвели четыре выстрела картечью. Начальник местного охранного отделения был тяжело ранен двумя злоумышленниками, успевшими скрыться. Следствие установило, что одним из покушавшихся был пермский крестьянин Н. Корешков. Иркутский комитет ПСР издал извещение, в котором сообщалось, что нападение на ротмистра Гаврилова совершено членами летучего боевого отряда по постановлению комитета<sup>101</sup>.

Покушение на Гаврилова стало последним террористическим актом в Иркутске. Следует признать, что мероприятия власти смогли полностью

<sup>97</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 140. Л. 51.

<sup>98</sup> Там же. Л. 423–426; Д. 234.

<sup>99</sup> Романов Г.И. Указ. соч. С. 56.

<sup>100</sup> ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 106. Л. 146.

<sup>101</sup> Там же. Д. 235. Л. 450.

заглушить в Сибири террористическое движение, чему во многом способствовали активные действия со стороны жандармерии.

В июне 1907 г. революция потерпела окончательное поражение. Её вожаки частью сбежали, частью были арестованы и заселены в тюремные централы и каторжные тюрьмы. Министр внутренних дел П. А. Столыпин властной рукой наводил порядок в стране, искореняя революционную смуту, не останавливаясь перед жесткими репрессиями.

К концу 1907 г. в тюрьмах России находилось около 100 тыс. политических заключенных, почти столько же было политических ссыльных. В Сибири ссыльные были разбросаны по всей огромной территории. Большинство из них власти селили в отдаленных районах, где легче было воспрепятствовать их побегам и где они не могли оказать широкого воздействия на местное население<sup>102</sup>.

Для окончательной ликвидации революции и недопущения её в будущем правительство начало всемерно укреплять органы политического сыска. С этой целью, как писал товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов, по инициативе директора Департамента полиции М. И. Трусевича в помощь губернским жандармским управлениям и охранным отделениям в провинции решили создать ряд так называемых районных охранных отделений<sup>103</sup>.

В декабре 1906 г. положение «О районных охранных отделениях» было утверждено. Основной задачей новой охранительной структуры стало объединение и направление деятельности местных охранных отделений<sup>104</sup>.

Начальники районных охранных отделений пользовались всеми правами начальников охранных отделений и руководствовались в своей деятельности установленной для начальников охранных отделений инструкцией. Кроме того, начальники должны были обучать местные жандармские кадры новым технологиям политического розыска, а также руководить ими в нескольких губерниях, входивших в район. В ведении Иркутского районного охранного отделения находилась огромная территория от Иркутской губернии до Тихого океана. Возглавил отделение полковник М. И. Познанский<sup>105</sup>. За десятилетия со времени образования в 1827 г. корпуса жандармов появились жандармские династии, где офицерами политической полиции были деды, отцы, сыновья, внуки. Представителем такой династии был и М. И. Познанский, сын И. Н. Познанского, генерала, в 70-е годы XIX в. возглавлявшего Петербургское жандармско-полицейское управление железных дорог. После адъютантства в Нижегородском гу-

---

<sup>102</sup> История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 327.

<sup>103</sup> Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 86.

<sup>104</sup> Курицын В. М., Мулукаев Р. С., Коряков В. П. История полиции дореформенной России (сборник документов и материалов по истории государства и права). М., 1981. С. 69–71.

<sup>105</sup> Весь Иркутск. Иркутск, 1908. С. 76.

бернском жандармском управлении М. Познанского перевели в Москву, где он застал революционные выступления 1905 г. М. И. Познанский принял активное участие в подавлении революционного движения и был произведен в полковники<sup>106</sup>.

В январе 1907 г. Познанский прибывает в Иркутск и немедленно начинает работу по усилению политического сыска. Основным оружием в арсенале средств охраны была агентура<sup>107</sup>. Инструмент эффективный, обеспечивающий активные наступательные действия, но требующий профессионализма того, в чьих руках он находится. До 1907 г. состояние сыска в регионе было не из лучших, деятельность большинства агентов иркутской охраны была, как правило, дилетантской и малоэффективной, слабы и мало обучены были филёрские кадры, плохо обстояло дело с агентурой. Ситуация изменилась с приездом М. И. Познанского. Используя агентуру для «освещения» деятельности нелегальных организаций, Познанский подбирал её особо тщательно. Благодаря его усилиям был привлечен ряд опытных офицеров из других регионов страны, улучшены розыскные кадры<sup>108</sup>. Вся агентура делилась на «осведомителей» и «провокаторов». Осведомители систематически сообщали охране о каком-либо революционном движении в районе, о действиях отдельных лиц и т.п. (мелкие лавочники, владельцы мастерских), некоторые из них находились рядом с партией (знакомые, родственники и др.). Агенты-провокаторы являлись деятельными участниками революционных организаций, активно «работали» в партиях и часто занимали в них видные места<sup>109</sup>.

Вместе с тем на практике уголовные дела, которые заводились по материалам, добытым на основе провокаций, в судах часто не проходили. Вот как размышлял на тему законности использования агентурных методов оперативной работы генерал Спиридович: «... успехи по преследованию революционеров были достигнуты с помощью внутренней агентуры, т.е. через тех членов революционных организаций, которые по тем или иным побуждениям давали политической полиции сведения о деятельности своих организаций и их отдельных членов. Они выдавали своих близких жандармерии, служа для неё шпионами, и назывались у политической полиции “сотрудниками”, у своих же шли под именем “провокаторы”. Сотрудник не считался на службе у отделения, он не был его чином, не значился по ведомостям, поступавшим в государственный контроль; он был для отделения человеком другого, враждебного лагеря, помогавшим лишь правительству в его борьбе с революционерами, откуда и само название — сотрудник.

---

<sup>106</sup> Чукарёв А. Г. Жандармы Познанские // Российский исторический журнал. 2001. № 1. С. 2.

<sup>107</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 383. Л. 8.

<sup>108</sup> Там же. Ф. 601. Оп. 7. Д. 5898. Л. 21.

<sup>109</sup> Галвазин С. Указ. соч. С. 127.

Не жандармерия делала Азефов и Малиновских, имя же им легион, вводя их, как своих агентов в революционную среду. Нет, жандармерия выбирала лишь их из революционной среды. Их создавала сама революционная среда. Прежде всего, они были членами своих революционных организаций, а уж затем шли шпионить про своих друзей и близких органам политической полиции»<sup>110</sup>.

Общее правило спецслужб всех времён – беречь агентуру. Для всех розыскников памятно высказывание аса российской тайной службы С. В. Зубатова: «Господа, вам доверили свою жизнь и честь секретные сотрудники. Никому не называйте его имени. Относитесь к их тайне столь же свято, как к тайне имени замужней женщины, с которой вы состоите в незаконной связи. Одно ваше неосторожное слово, один неверный шаг и человек, доверившийся вам, безвозвратно погиб»<sup>111</sup>. С. В. Зубатов наставлял молодых офицеров: «Никогда никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму.

Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы он честно ни работал, всегда, рано или поздно наступает момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расставаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело, отпустите его. Расставайтесь с ним. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, сделайте всё, что в силах человеческих, чтобы отблагодарить его и распрощаться с ним по-хорошему. Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет и далее полезен для государства, хотя и не сотрудником, он будет полезнее в новом положении. Вы лишитесь сотрудника, но вы приобретете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства»<sup>112</sup>.

Начальник Иркутского охранного отделения полковник Познанский мог считать себя учеником С. В. Зубатова, лекции которого он слушал на жандармских курсах в Петербурге. Познанский свято соблюдал вышеуказанные принципы и требовал того же от всех офицеров Иркутского районного охранного отделения, имевших дело с агентурой. Когда готовилась «ликвидация» какой-либо революционной группы, начальников всех подразделений охраны ставили в известность о мерах, принятых по недопущению провала агентов. Вот одно из таких донесений, поступивших в Иркутск и извещающее о бережном отношении к агентуре. Начальник жандармско-полицейского управления КВЖД писал: «Сообща Вашему Высокоблагородию для соображений при розыске по району, что мною получены дополнительные сведения о чрезвычайной близости

<sup>110</sup> Спиридович А. Записки жандарма М., 1991. С. 44.

<sup>111</sup> Там же. С. 50.

<sup>112</sup> Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992. С. 138–139.

телеграфиста Персианова к агентуре, а потому Персианов (в нешифрованном письме он обозначен под кличкой “Семен”) пока не должен быть по этому делу арестован.

При передаче дела следственной комиссией мною в сих видах о личности “Семена” будет сообщено как о невыясненной. О Персианове мною уже раньше уведомлен начальник Владивостокского охранного отделения»<sup>113</sup>.

Иркутское охранное отделение наносило систематические удары по сибирским и дальневосточным революционным организациям и группам.

Используя все доступные средства розыска, главным образом секретную агентуру, жандармы раскрывали революционные организации, кружки, типографии<sup>114</sup>. Следуя указаниям Департамента полиции, главный упор делался на вербовку агентов из революционной среды<sup>115</sup>. Подобная практика давала свои результаты. Состав, деятельность и планы революционных организаций Сибири довольно быстро становились известны охранному отделению.

В начале 1908 г. было сразу арестовано 63 социал-демократа, входивших в Читинский комитет РСДРП. Во время обысков изъяли много оружия, захваченного два года назад из воинского эшелона, возвращавшегося из Маньчжурии. Этот урон был больше нанесенного П. К. Ренненкампом со своим карательным отрядом в январе 1906 г.<sup>116</sup>

Информаторы читинского розыскного пункта и общей полиции действовали в гуще местной социал-демократии. В их работе чувствовалась направляющая рука опытного розыскного офицера. Именно благодаря разветвленной агентурной сети Читинская организация РСДРП была полностью ликвидирована. В 1909 г. рабочие железнодорожного депо в письме, направленном в ЦК РСДРП писали, что с конца 1908 г. в Чите не велось никакой партийной работы<sup>117</sup>.

В августе 1908 г. жандармы арестовали ряд членов Иркутского комитета РСДРП, а также 25 участников партийной сходки за городом. На месте сходки было обнаружено 600 экземпляров прокламаций «Черный праздник», выпущенной Иркутским комитетом РСДРП ко дню открытия памятника Александру III<sup>118</sup>.

Охранное отделение уделяло большое внимание выявлению агентов ЦК РСДРП, приезжающих в Восточную Сибирь с заданиями от В. И. Ле-

---

<sup>113</sup> Чукарев А. Г. Указ. соч. С. 8.

<sup>114</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 117.

<sup>115</sup> Перекон П. После Азефа мы не должны церемониться: воспоминания // Каторга и ссылка. М., 1929. № 12 (61). С. 138.

<sup>116</sup> Бабушкин И. В. Воспоминания. Предисловие. М., 1955. С. 7–8.

<sup>117</sup> История Сибири. Т. 3. С. 331.

<sup>118</sup> Там же. С. 332.

нина. Так, в 1910 г. в Иркутск прибыл агент Центрального комитета партии под кличкой «Виктор», оказавшийся впоследствии видным деятелем партии В. О. Волосевичем. Он был послан в Сибирь для восстановления оборванных в результате репрессий связей местных социал-демократов с партийным центром за рубежом. Кроме того, он должен был организовать приезд большевистского депутата на предполагавшуюся общероссийскую конференцию РСДРП. Агентура охранного отделения выследила «Виктора». При аресте у него изъяли мандат с печатью ЦК РСДРП<sup>119</sup>. Благодаря хорошо налаженной агентурной работе охранному отделению были известны не только многие связи местных партийцев, но и адрес В. И. Ленина в Париже<sup>120</sup>.

Осенью 1908 г. эсеры пытались поднять восстание железнодорожных рабочих по всей Транссибирской магистрали. Агентура иркутской охраны узнала об этом своевременно. В ноябре 1908 г. начальник отделения докладывал в Департамент полиции: «В скором времени партия социалистов-революционеров совместно с военной организацией намерены устроить забастовку по линии Сибирской железной дороги и Дальнего Востока с одновременной порчей телеграфа и дорог с целью отделения Сибири от Европейской России». Эта авантюра эсеров была заранее обречена на провал. Она дорого обошлась рабочим организациям. Арестам и обыскам подверглись наряду с эсеровскими группами Иркутский, Читинский, Красноярский и Томский комитеты РСДРП, легальные и нелегальные рабочие организации. Подпольная работа практически прекратилась<sup>121</sup>.

Интересные сведения, подтверждающие хорошую выучку филеров Иркутской охраны, содержатся в воспоминаниях члена партии большевиков с 1904 г. П. М. Никифорова, впоследствии председателя Совета министров Дальневосточной республики. Никифоров, ведущий в тот период партийную работу в Иркутске, однажды почувствовал, что за ним идет слежка. Одна из нелегальных работниц местного комитета РСДРП, проживавшая в его квартире, заметила и показала ему на человека, сидевшего у ворот противоположного дома. Это был прилично одетый старичок с аккуратно подстриженной бородкой, в полушубке, в валенках и в меховой фуражке. Он сидел, опершись подбородком на палку, и курил трубку. «Я давно заметила этого старика, — сказала нелегалка Никифорову, — и думала, что он живет в том доме и выходит на скамеечке отдохнуть. Но на днях я заметила, что когда ты пошел на работу, старичок поднялся и пошел за тобой. Я решила проверить. Вчера это повторилось, он проводил тебя до электростанции, потом сел на извозчика и уехал».

«Я решил проверить, — вспоминает П. М. Никифоров, — и скоро убедился, что она была права: старичок, приставленный ко мне, — шпион».

<sup>119</sup> История Сибири. Т. 3. С. 334.

<sup>120</sup> Там же.

<sup>121</sup> Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 242.

Никифорову срочно пришлось достать новый паспорт и немедленно перебраться в другой район города<sup>122</sup>.

Тревогу охранных отделений вызывали не только проявления крамолы — для них это было привычным делом. В розыском деле значительно опаснее факты проявления измены в собственных рядах. О них оповещает донесение начальника жандармско-полицейского управления КВЖД от 12 июня 1909 г. в штаб Отдельного корпуса жандармов (копия начальнику Иркутского районного охранного отделения губернского жандармского управления). В нем говорится: «От секретного сотрудника мною получены сведения, что унтер-офицеры вверенного мне управления Василий Чудилин и Иосиф Глебов, несущие филерские обязанности, вступили будто бы в сношения с состоящей под наблюдением управления по партии анархистов-коммунистов некоей “Нюрой” и предложили ей свои услуги по доставлению сведений о наблюдаемых лицах и о предстоящих обысках. Причем “сотрудник” именно от нее узнал и фамилии названных филеров». Немедленно была дана телеграмма начальнику Иркутского охранного отделения полковнику Познанскому с просьбой командировать в Харбин двух вольнонаемных филеров для наружного наблюдения за Чудилиным и Глебовым. Эти унтер-офицеры прибыли в управление в числе прочих филеров. Первый из Самарского, второй из Пермского губернского жандармского управления. Началось расследование, подтвердившее факт измены<sup>123</sup>.

Подобное в жандармском розыске было крайне редким явлением: люди в филеры подбирались надежные, проверенные, испытанные службой и присягой. Происшествие встревожило руководство Иркутского охранного отделения, которое усилило работу с кадрами.

В дальнейшей в деятельности иркутской охранки подобных провалов не случалось.

Иркутское охранное отделение, хотя и косвенно, было причастно к трагическим Ленским событиям 1912 г. Известно, что город Бодайбо (центр Витимско-Олекминского золотопромышленного округа) входил в зону, курируемую этим учреждением. Жандармский ротмистр Н. В. Трещенков являлся помощником начальника Иркутского губернского жандармского управления М. И. Познанского по этому округу, возглавляя также местную полицию<sup>124</sup>.

Познанский и Трещенков во время событий на Лене между собой поддерживали тесную связь: 4 апреля ротмистр послал своему начальнику в Иркутск следующую телеграмму: «Доношу: сегодня утром рабочие Александровского прииска, собравшись более тысячи к полицейскому дому, вели себя крайне вызывающе, требуя выдачи продовольствия для жен, детей. Прибыв немедленно, силами полиции разогнал собравшихся, при-

<sup>122</sup> Никифоров П. М. Муравьи революции. М., 1958. С. 128–129.

<sup>123</sup> Чукарев А. Г. Указ. соч. С. 9.

<sup>124</sup> Ленские прииски: сб. документов // История фабрик и заводов. М., 1937. С. 291.

чем, расходясь, рабочие угрожали разнести магазин. В три часа прибыл на прииск совместно с Тульчинским (К. Н. Тульчинский – горный инженер Витимского округа) и воинской командой; благодаря последней настройка рабочих изменилась. Сегодня произвожу обыски, аресты»<sup>125</sup>. Подобных телеграмм было несколько.

После расстрела рабочих 4 апреля, спровоцированного Трещенковым, 9 апреля он дал телеграмму иркутскому губернатору Ф. А. Бантышу и начальнику жандармского управления Познанскому, в которой говорилось о начавшихся арестах вожаков стачки: «Намечено при обнаружении скрывшихся – члена комитета Баташева и остальных восемь – арестовать, так как оставление их на свободе даст им возможность вновь организовать рабочих. Хотя арест может вызвать осложнения. Арестование всех остальных фактически невозможно за отсутствием надлежащей воинской силы, мест заключения (бодайбинская тюрьма рассчитана на 40, содержит 173) и значительного числа лиц, имеющих быть привлеченными по ст. 123 Уголовного уложения. Со своей стороны докладываю, что вслед за событием 4 апреля мною немедленно были приняты меры к розыску скрывавшихся членов стачечного комитета, командированы стражники и пока задержан видный агитатор Попов, раненый и находящийся в больнице. Сегодня на шахте на Феодосийском прииске задержаны копачи в числе десяти человек, отобрано золота фунт сорок пять золотников. Порядок на прииске полный»<sup>126</sup>.

Вышестоящие власти требовали полного подавления забастовки. Поэтому ротмистр «старался»: с 15 апреля по 5 мая он «подчищал» прииски. За это время были арестованы депутаты рабочих: Самойлов, Корнев, Беспальченко, Подзаходников, Романов, Сборенко, Нестеренко, Быков, Лебедев, Баташев<sup>127</sup>.

Однако аресты уже ничего не решали. Слух о событиях на Лене стал известен благодаря телеграмме члена Центрального стачечного комитета М. И. Лебедева от 5 апреля, отправленной в пять адресов: председателю Совета министров В. Н. Коковцову, министру юстиции, министру торговли, депутатам Государственной думы П. Н. Милюкову и Е. П. Гегечкори<sup>128</sup>.

Первые сообщения о Ленском расстреле, в ходе которого 270 человек было убито и 250 ранено, появились благодаря телеграмме М. И. Лебедева в демократические газеты уже на второй день после этой трагедии. А уже 7–8 апреля на предприятиях Петербурга состоялись митинги протеста. Гневно осуждая царскую власть, бесправие и произвол, рабочие требовали сурово наказать конкретных виновников этой бойни. Позднее стало из-

<sup>125</sup> Ленские прииски: сб. документов // История фабрик и заводов. М., 1937. С. 293.

<sup>126</sup> Там же. С. 306.

<sup>127</sup> Лебедев М. И. Воспоминания о Ленских событиях 1912 г. М., 1962. С. 261.

<sup>128</sup> Ленские прииски: сб. документов. С. 296.

вестно, что к организации расстрела были причастны министерства: внутренних дел, военное, торговли и промышленности, одоббившие применение против рабочих военной силы<sup>129</sup>.

Народное негодование достигло предела, когда 11 апреля министр внутренних дел А. А. Макаров, по словам бывшего премьера С. Ю. Витте, представив по этому случаю в Думе «самые натянутые и фактически неверные объяснения, закончил свою речь, оправдывая совершенные полицией массовые убийства, восклицанием: “Так всегда было, так будет впредь”»<sup>130</sup>.

Как вспоминает премьер В. Н. Коковцов, эти слова произвели на Думу и печать ошеломляющее впечатление. Забыли разоблачение Распутина, забыли текущую работу, приостановили занятия комиссий и заседания общего собрания. Дума стала напоминать дни первой и второй Думы, и все свелось к «Ленскому побоищу»<sup>131</sup>.

Одновременно власти должны были под напором рабочих стачек и забастовок, охвативших страну, наказать непосредственных виновников расстрела. Прибывший на прииски для расследования Ленских событий сенатор С. С. Манухин временно отстранил Трещенкова от должности помощника начальника Иркутского жандармского управления. С должности начальника полиции Витимского и Олёкминского горных округов Трещенкова еще раньше, в последний день пребывания на приисках, снял генерал-губернатор Князев. С 20 июля Трещенков стал считаться временно «прикомандированным» сначала к Иркутскому, потом к Петербургскому жандармскому управлению. В декабре 1913 г. он был уволен со службы в корпусе жандармов и зачислен в пешее ополчение Петербургской губернии<sup>132</sup>.

События на Лене повлекли за собой кадровые перестановки в Иркутском районном охранном отделении. Полковник Познанский, как начальник Трещенкова, допустивший серьезный проступок, был переведен на службу в центральную часть страны.

С одной стороны, для розыскного офицера перемена места службы — дело нужное и обязательное. Засиживаясь на одном месте, он теряет оперативное чутье, взгляд его привычно начинает скользить по поверхности явлений, не замечая нового. Но Познанский пошел на понижение. В Восточной Сибири он совмещал должности начальников районного охранного отделения и Иркутского жандармского управления, что резко повышало его шансы на генеральский чин. Однако после Ленских событий присваивать ему генеральское звание царь не осмеливался. Поэтому Познанский в

---

<sup>129</sup> История СССР: В 12 т. М., 1968. Т.1. С. 423–424.

<sup>130</sup> Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 141.

<sup>131</sup> Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991. С. 115.

<sup>132</sup> Лебедев М. И. Указ. соч. С. 291–292.

чине полковника был назначен начальником Самарского губернского жандармского управления<sup>133</sup>.

Активная репрессивная деятельность тайной полиции с ее регулярными ликвидациями различных революционных групп и организаций принесла свои результаты. Рабочее движение в Восточной Сибири в результате репрессий переживало наибольший упадок за весь послереволюционный период. С декабря 1908 по февраль 1909 г. произошло всего три стачки, в которых участвовали менее одной тысячи человек<sup>134</sup>. Большевицкие и другие революционные организации не смогли оправиться после многочисленных разгромов и арестов. Вплоть до 1917 г. в губернии не наблюдалось массовых революционных выступлений.

Тем не менее начавшаяся война заметно обострила социальные противоречия, ухудшила материальное положение сибиряков. К концу 1915 г. и особенно в 1916 г. в донесениях руководителей жандармских управлений сибирских городов чувствуется нарастающее беспокойство. В частности, сообщалось: «Начинает замечаться утомленность войною и тяжестью жизни вследствие отсутствия рабочих рук и дороговизны жизни... Настроение малоимущих классов городов крайне обострилось с наступлением весны и вновь усилившейся дороговизной на все предметы первой необходимости»<sup>135</sup>. В донесениях жандармов подчеркивалось, что не только рабочее население городов, но и крестьянство Сибири начинает роптать, что «мужиков совсем нет», что «берут людей без конца, а победы нет»<sup>136</sup>. Большое влияние на политическую обстановку в регионе продолжали оказывать ссыльные революционеры<sup>137</sup>.

В начале войны в Иркутской губернии насчитывалось 2 285 политических ссыльных. В Киренске, например, на 3 тыс. жителей приходилось 300 политических заключенных<sup>138</sup>. Ситуация осложнялась и тем, что в Иркутской губернии было размещено 36 388 военнопленных, захваченных русской армией<sup>139</sup>.

Тем не менее жандармерия делала все, чтобы затруднить революционную работу в регионе, опираясь на разветвленную сеть агентуры, продолжала громить революционные организации.

Так, в начале 1915 г. образовался «Союз сибирских рабочих», поставивший задачей объединить на ленинской платформе большевиков Восточной Сибири. Организаторы союза – Жаков, Васильченко, Трофимов,

---

<sup>133</sup> Чукарев А. Г. Указ. соч. С. 13.

<sup>134</sup> Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 242.

<sup>135</sup> История Сибири. Т. 3. С. 447.

<sup>136</sup> Там же.

<sup>137</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 913. Л. 20.

<sup>138</sup> Иркутская ссылка. М., 1934. С. 90, 267.

<sup>139</sup> Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский, Москва, 2001. С. 110.

Латышев – установили связи с партийными организациями Сибири, наладили нелегальную типографию, где стали выпускать листовки и газету «Товарищ пролетарий». В «Союз» входило около 30 человек. Организация во главе с правлением была строго конспиративна, но охранное отделение смогло внедрить в ее ряды своего агента. В июле 1915 г. в Иркутске и Черемхово произошли массовые аресты. «Союз» был разгромлен<sup>140</sup>.

В условиях начавшейся Первой мировой войны активизировалась работа радикальных религиозных течений, которые призывали своих сторонников к действиям, подрывающим государственные устои. Одним из таких религиозно-политических течений был панисламизм<sup>141</sup>.

В октябре 1914 г. Иркутское губернское жандармское управление получило циркуляр МВД, в котором говорилось, что «...турецкими панисламистами составлено особое воззвание к мусульманам всего мира, переведенное на иностранные языки в целях распространения такового во всех странах с мусульманским населением. Это воззвание, носящее заглавие “Священная война обязательна” указывает, что все мусульмане являются братьями, следовательно, должны помогать друг другу. Воззвание призывает к борьбе за освобождение других народов, исповедующих ислам и находящихся в порабощении у неверных (кяфиров)...»<sup>142</sup>.

В ответ на циркуляр МВД иркутская жандармерия потребовала от гражданских и духовных властей губернии немедленно пресекать любые выступления панисламистов, как прямо подрывающие и наносящие вред Российской империи. Жандармы требовали принятия к панисламистам особенно жестких мер «...в целях предотвращения вредных последствий преступной агитации, угрожающей сохранению должного внутреннего порядка и спокойствия...»<sup>143</sup>.

Необходимо подчеркнуть, что в административном и торговом центре Восточной Сибири, каким являлся Иркутск, были сосредоточены, помимо жандармского управления, офицерские школы и большой военный гарнизон. Возможно поэтому обстановка в городе оставалась относительно спокойной. Более сложная ситуация складывалась в деревне. В донесениях жандармского управления уже с 1915 г. появляются указания на «развивающуюся притупленность чувств» у крестьянского населения, «на сочувственное отношение» крестьян к идее мира и т.п. Иркутское жандармское управление доносило в ноябре 1916 г., что «в народе стали ходить смутные толки и рассуждения о правительстве и подрывается всякое доверие, так как некоторые говорят, что война затеяна для того, чтобы удавить народонаселение».

---

<sup>140</sup> Липкин А. Провал «Союза сибирских рабочих» // Каторга и ссылка. М., 1927. № 8 (37). С. 83–84.

<sup>141</sup> ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 590. Л. 56.

<sup>142</sup> Там же. Ф. 90. Оп. 7. Д. 13. Л. 6.

<sup>143</sup> Там же. Л. 7.

В донесениях 1916 г. сообщалось о массовых и повсеместных отказах крестьян, особенно солдаток, от уплаты податей и сборов.

Начиная с осени 1915 г., в донесениях с мест все чаще встречались сообщения о том, что одним из наиболее больных вопросов деревни становится дороговизна предметов потребления. Недовольство против дороговизны перерастало в недовольство властью и войной. В одном из донесений в Иркутское губернское жандармское управление (12 мая 1916 г.) говорилось: «Замечается сильное озлобление населения к местным административным лицам, которых население считает прямыми виновниками поднятия цен, так как считает их взяточниками и покровителями скупщиков».

И все же, несмотря на трудности, связанные с войной, властям удавалось удерживать ситуацию под контролем. Уровень революционного движения в Иркутской губернии, степень его организованности и его политическая зрелость во время войны были ниже, чем в предыдущие годы<sup>144</sup>.

Таким образом, политическая полиция до конца оставалась верна правящему режиму. Но практика показала, что сохранить правящий режим только лишь силовыми, полицейскими мерами невозможно. 27 февраля 1917 г. императорская власть в Петрограде прекратила свое существование. Временное правительство, напуганное размахом революционного движения, было вынуждено формально санкционировать ликвидацию жандармерии: 6 марта 1917 г. было издано постановление о ликвидации корпуса жандармов<sup>145</sup>.

---

<sup>144</sup> История Сибири. Т. 3. С. 470.

<sup>145</sup> Сборник циркуляров Министерства внутренних дел за период март–июнь 1917 г. Пг., 1917. С. 23.

## ГЛАВА 2. УГОЛОВНЫЙ СЫСК ПОЛИЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX–НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Хорошо известный уже на ранних этапах развития отечественной государственности сыск уголовных преступников изначально до появления полиции проводился на сибирских территориях под различным управленческим началом – Боярской думы, воевод, приказов. Начиная с 1715 г. сыск уголовных преступников все в большей мере вели учреждения регулярной полиции.

Решающим образом этому способствовало совершенствование организации полицейской службы согласно принятому в 1775 г. «Учреждению для управления губерний» и в 1782 г. «Уставу благочиния или полицейскому».

В соответствии с «Учреждением для управления губерний» нижний земский суд олицетворяли исправник с двумя, тремя заседателями и канцелярией, состоявшей из исполнительного и следственного столов. На него возлагались «меры безопасности от воров и разбойников, поимка оных и истребление шаяк». Он должен был следить за порядком и благочинием в сельской местности, исполнять решения вышестоящих властей и решения суда, а также вести предварительное следствие по уголовным делам. Он же следил за тем, чтобы никто в уезде согласно требованиям нормативных документов в «противность подданнического долга и послушания ничего не учинил»<sup>146</sup>. Его непосредственными подчиненными были десятские, пятидесятские и сотские, выбиравшиеся из крестьян и обязанные «смотреть иметь и разведывать в селении и близ него воров, разбойников, злоразгласителей и беглых»<sup>147</sup>.

По «Уставу благочиния или полицейскому» город стал делиться на относительно самостоятельные административно-полицейские части. В основу разделения был положен статистический принцип: в каждую часть входило от 200 до 700 дворов, а части в свою очередь делились на кварталы по 50–100 дворов.

Частный пристав был обязан в случае совершения уголовного преступления выяснять все связанные с ним обстоятельства, «исследуя», согласно ст. 105 Устава благочиния: «1) о особе, над кем учинено; 2) о действии, что учинено; 3) о способе или орудии, чем учинено; 4) о времени, когда учинено; 5) о месте, где учинено; 6) о личностях, объясня-

---

<sup>146</sup> ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 20. № 14392.

<sup>147</sup> См.: Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX в.–нач. XX в.). Новгород, 1993. С. 19.

ющих с намерением или без намерения, и утверждающих или обличающих, как учинено; 7) преступника, кем учинено ...»<sup>148</sup>.

Вместе с тем не во всех городах Восточной Сибири были созданы управы благочиния. Так, например, по сведениям Д. Е. Лапо, «недостаток доходов Енисейской губернии был причиной того, что до 1832 г. в этой губернии не было настоящей полицейской команды»<sup>149</sup>.

Стандартная организация полиции явно не соответствовала специфике сибирской жизнедеятельности. Местные уезды, как пишет современный исследователь А. В. Ремнев, «нередко по пространству превосходящие размеры губерний Европейской России, имели всего одного исправника с помощником и несколькими земскими заседателями, которые являлись в одно и то же время и полицейскими чиновниками, и судебными следователями, и единственными лицами для наблюдения за сбором податей и постройкой дорог»<sup>150</sup>.

В результате из-за перегруженности делами и постоянных разъездов исправника и заседателей «по нуждам следствия... деятельность земского суда была фактически парализована», а «некоторые части уездов», как извещал в 1804 г. верховную власть генерал-губернатор И. О. Селифонтов, «по удалению от местного земского суда, не имели быть оным управляемы с успехом»<sup>151</sup>.

Именно по этой причине, «ввиду обширности округов, — отмечали сибирские жандармы, — сведения о совершающихся преступлениях должностные лица получа[ли] несвоевременно и расследование по горячим делам [было] возможно лишь в редких случаях»<sup>152</sup>. В связи с чем даже высшие сановники генерал-губернаторства констатировали, что «земская полиция действует гораздо успешнее в рассуждении о грабителях»<sup>153</sup>.

Главным образом из-за несоответствия «числа полицейских объему возложенных на них задач» в тяжелом положении оказалась и городская полиция. В связи с этим И. О. Селифонтов для «большого же успеха в полицейском управлении» предложил учредить должность комиссара, который, постоянно находясь в уезде, представлял бы там нижний земский суд.

---

<sup>148</sup> ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 21. № 15379.

<sup>149</sup> Лапо Д. Е. К вопросу о составлении истории г. Красноярска // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 13. С. 14.

<sup>150</sup> Ремнев А. В. Самодержавие в Сибири. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 138.

<sup>151</sup> См.: Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г. СПб., 1899. Прил. № 1. С. 65–66.

<sup>152</sup> Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 270. Л. 1.

<sup>153</sup> История Красноярска. Документы и материалы XVII–первая половина XIX вв. / Сост. Г. Ф. Быконя. Красноярск, 2000. С. 627.

Повысить эффективность полицейской службы в городе было призвано высочайше утвержденное в 1822 г. «Учреждение для управления Сибирских губерний». Однако и в этом случае средств для кардинального изменения сложившегося положения дел не хватило.

Принципиально не изменилась ситуация и после преобразований 1860-х гг. Например, усилить эффективность полицейской деятельности по предупреждению и пресечению уголовных преступлений должен был адресный стол, о появлении которого 28 марта 1864 г. объявили «Иркутские губернские ведомости». Он создавался для «скорого и верного указания всех», находившихся в городе «недвижимых имений» и их владельцев, «для указания места жительства, переездов и времени прибытия и выбытия из города всех жителей, для... розыска нужных к открытию правительства лиц... для доставления всем присутственным местам и лицам по требованиям их верных справок: находятся ли, или нет в Иркутске отыскиваемые ими лица... для доставления всем и каждому из желающих нужных сведений о месте состояния какого-либо дома в городе или места жительства пребывающего в оный, или времени выбытия из города нужного лица»<sup>154</sup>.

Внимание акцентировалось на необходимости и полезности адресного стола всем жителям и учреждениям. Из пяти задач, которые ставились перед ним, только одна, третья, заявляла о сыске. Но очевидно, что и решение всех остальных также должно было способствовать его успеху. Не случайно поэтому требовавшиеся адресному столу сведения собирались представителями полиции, о чем говорилось в примечании к указанному объявлению: «Для собирания о домах нужных для адресного стола сведений будут командированы с 26 числа 1864 г. в каждую часть по два чиновника из вольнозанимающихся при полиции, при полицейском унтер-офицере; и потому иркутская полиция покорно просит гг. домовладельцев допустить этих лиц в дома и снабдить их нужными сведениями, согласно вышеизложенному»<sup>155</sup>.

Подобная система, основанная на введении «паспортного режима», использовалась и в Красноярске. По сведениям Л. П. Бердникова, «для борьбы с беглыми... в городе были разработаны специальные меры... на смотрителя тюремного острога Ванькова и на одного из депутатов городской думы была возложена обязанность брать подписки от жителей города, дабы они ни под каким видом не осмеливались принимать, а тем паче держать у себя людей, не имеющих паспортов»<sup>156</sup>.

Еще большие изменения произошли после начавшейся 25 декабря 1862 г. полицейской реформы, когда утвердили «Временные правила об

---

<sup>154</sup> От Иркутского полицмейстера // Иркутские губернские ведомости. 1864. 28 марта. С. 4.

<sup>155</sup> Там же.

<sup>156</sup> Бердников Л. П., Лони́на С. Л. Два века красноярского самоуправления: история и современность (1822–1917). Красноярск, 2003. С. 61.

устройстве полиции», предусматривавшие объединение земской и городской полиции в уездные полицейские управления<sup>157</sup>.

На территории Иркутского генерал-губернаторства к реформе приступили только 12 июня 1867 г. с принятием закона «О преобразовании полиции в Сибири»<sup>158</sup>. Городскую и сельскую полицию (нижние земские суды) объединили в окружные управления, к ведению которых отнесли все поселения и административные образования, находившиеся в пределах округа. Исключение составили лишь крупнейшие города – Красноярск, Иркутск, Якутск и Чита, где городская полиция во главе с полицмейстером действовала по-прежнему.

Руководили окружными полицейскими управлениями окружные исправники, опиравшиеся в своей деятельности на земских заседателей, которые в свою очередь «направляли» службу выбиравшихся из числа сельских обществ сотских и десятских. Основными обязанностями окружной полиции наряду с обеспечением «безопасности от пожаров и сношением по устройству дорог» являлись «надзор за бродягами, беспаспортными и нищими; прекращение всякого насилия и самоуправства, поимка беглых, преследование всякого рода преступлений, производство следствий, взятие обвиняемого»<sup>159</sup>.

Вместе с тем у полицейских чиновников Восточной Сибири, как и ранее, сохранялась часть не только следственных, но и судебных функций, а круг обязанностей, напрямую не связанных с полицейской деятельностью, оставался достаточно широким. Как писал М. М. Сперанский, «таковы суть дела по продовольствию отдельных северных стран и обширная система запасных магазейнов, дела по продовольствию войск, и наконец дела по приему и водворению поселенцев»<sup>160</sup>.

Выполнение указанных обязанностей не оставляло полиции должного времени для сыскной деятельности. В результате она не проводилась надлежащим образом даже по делам, выделенным из общей подсудности, т.е. взятым под персональный контроль генерал-губернатора.

Указывая на это обстоятельство, прокурор Иркутской судебной палаты в своем письме отмечал: «Каждый полицейский чиновник, производя дознание по делу, предназначенному к изъятию из общей подсудности, уже по одному тому, что на дело это обращено внимание главного начальника края, преисполнен желанием обнаружить виновных, но когда такой чиновник, будучи обременен разнообразною срочною работою, не имеет физической возможности посвятить этому делу столько времени и сил, сколько бы на то следовало, он вынужден ограничивать действия свои сообщением судебной власти слухов, им самим надлежащим образом не

---

<sup>157</sup> ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 30. № 39087.

<sup>158</sup> Там же. Т. 42. № 44684.

<sup>159</sup> Учреждение Сибирское // СЗРИ. СПб., 1892. Т. 2. № 52.

<sup>160</sup> Прутченко С. Указ. соч. Прил. № 1. С. 5.

проверенных»<sup>161</sup>.

В результате, несмотря на то, что сыск злоумышленников вменялся в обязанность всем полицейским чиновникам генерал-губернаторства, на практике им занимались лишь некоторые из них. Даже в административном центре Восточной Сибири – Иркутске из имевшихся 89 служащих полиции дознания о происшествиях и преступлениях вели только три помощника полицейских приставов<sup>162</sup>.

«Сам же пристав, – докладывал губернатору иркутский полицмейстер З. Ф. Маковский, – зачастую безусловно [был] лишен возможности наблюдать за наружным порядком и населением вверенной ему части, и в действительности только по ночам, во время объезда по городу в качестве дежурного, он вид[ел] свою часть»<sup>163</sup>. «Малочисленность полицейских чинов по сравнению с обширностью принадлежащих им районов и количеством входящего в этот район населения» констатировали и чиновники Иркутской судебной палаты<sup>164</sup>.

«Штат полиции, – считали современники, – был мал и не мог успешно вести борьбу с преступностью»<sup>165</sup>. А по признанию начальника иркутской городской полиции полковника Н. К. Заборовского, «вследствие своей малочисленности полиция не могла пресечь разного рода преступления и удовлетворить требованиям города»<sup>166</sup>.

Не меньшие проблемы возникали и при финансировании «служебных расходов» полиции, что показывают отчеты должностных лиц о потраченных средствах. Обратимся к одному из них: «Господину иркутскому полицмейстеру от полицейского пристава 1 части. В исполнении предписания от 20 ноября 1880 г. за № 5129 имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что мною затрачено из собственных денег на сыскную часть 32 руб., но не предвидя, что означенные деньги будут когда-либо возвращены, я никаких щитов не вел и росписей не брал, а потому ничего в доказательство расходов вышеизложенных денег представить не могу, причем считаю своим долгом присовокупить, что, по моему мнению, крайне неудобно брать росписи с тех людей, которые открывают какое-либо преступление...»<sup>167</sup>.

Однако, если в административных центрах края деньги на уголовный сыск все-таки выделялись, то в ряде уездов генерал-губернаторства выплаты по «сыскной части» не производились несколько лет<sup>168</sup>. В связи с чем

<sup>161</sup> ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 114. Л. 49.

<sup>162</sup> Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 489. Л. 34; Д. 145. Л. 89.

<sup>163</sup> Там же. Д. 4719. Л. 1.

<sup>164</sup> Там же. Ф. 25. Оп. 6. Д. 116. Л. 3.

<sup>165</sup> Романов Н. С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. Иркутск, 1914. С. 410.

<sup>166</sup> ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 489. Л. 10.

<sup>167</sup> Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1051. Л. 2.

<sup>168</sup> ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 276. Л. 6–20.

можно утверждать, что имевшееся финансирование «сыскных расходов» было явно недостаточным. Об этом убедительно свидетельствуют и высказывания прокурора Иркутского окружного суда, который особо отмечал, что «розыскное дело страдает главным образом от невозможности для полиции, по недостатку на то денежных средств, устроить более или менее удовлетворительную агентуру»<sup>169</sup>.

Лишенные возможности эффективно противостоять преступности полицейские служащие были вынуждены героически вплоть до самопожертвования бороться с нею, будучи изначально обреченными в целом на неудачу; или взаимодействовать со злодеями, находя общий интерес; или индифферентно относиться к происходившему, пытаясь уйти от неприятностей и обеспечить собственную безопасность.

Каждый выбирал свой вариант действий. Бескомпромиссно отстаивали интересы законопослушных жителей частные приставы А. М. Блинов, С. С. Романов, Н. Д. Добронравов, Н. А. Кульченков и отставной унтер-офицер Я. К. Чусов.

А. М. Блинов, прослужив без малого восемнадцать лет, как отмечали его руководители, «неусыпными своими трудами, деятельным усердием и ловкостью постоянно обращал на себя самое лестное внимание всех начальствующих лиц и удостоивался награждений — деньгами, чинами и орденами»<sup>170</sup>. Примечательно, что даже спустя полвека иркутяне с благодарностью вспоминали о деятельности своего легендарного земляка, охранявшего покой сибирских жителей во второй половине XIX столетия<sup>171</sup>.

Благодаря настойчивым усилиям С. С. Романова и Я. К. Чусова была пресечена преступная деятельность Ф. Алифанова — «поселенца из казачьих Илгинской волости», который, по оценке знатоков, был «особенно грозен всем и пользовался значением между разбойниками как главный предводитель шаяк».

Немало заслуг имелось и у Н. Д. Добронравова, благодаря которому в 1890 г. удалось изобличить и задержать две наиболее крупные преступные организации — «воровские шайки» Лябаха и Черевинского.

Банда Лябаха несколько лет действовала в Иркутске, «обкрадывая жителей днем и ночью». Ее представляли люди разных возрастов, начиная от подростков и кончая стариками, «которым еще за минувшие дела следовало сидеть, по меньшей мере, в тюрьме». Рассматривая это дело в 1890 г., губернский суд привлек к ответственности более 80 человек<sup>172</sup>.

---

<sup>169</sup> ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 114. Л. 45.

<sup>170</sup> Там же. Ф. 91. Оп. 1. Л. 16, 38.

<sup>171</sup> См.: Разбойник Алифанов // Сибирский архив. 1912. № 4. С. 267; Дела и подвиги сибирского сыщика А. М. Блинова // Сибирская заря. 1908. № 4—148.

<sup>172</sup> Разбойник Алифанов. С. 268.

Показательно, что в ходе судебного заседания большая их часть обвиняла в своих злоключениях только пристава Н. Д. Добронравова.

Не меньшую опасность для городских обывателей представляли участники преступного сообщества во главе с Черевинским. Бессмысленные по своей кровавой жестокости разбойные нападения, даже после ареста злодеев, еще долгое время будоражили умы иркутян. Судебное заседание по делу банды Черевинского продолжалось семь дней, а в качестве свидетелей было привлечено 110 человек<sup>173</sup>.

В случае с делом банды Черевинского следует отметить филигранную агентурную работу, проведенную приставом Н. Д. Добронравовым. В результате мероприятий, предпринятых сыщиком, в Иркутске был обнаружен тайный полицейский агент Е. Буров, оказавшийся одним из активных членов банды<sup>174</sup>. А годом позже Н. Добронравов лично обнаружил в Томской пересыльной тюрьме последнего из «товарищей» Черевинского — С. Тарасова, особо опасного преступника-убийцу, сменившего к тому времени несколько имен и, как он сам полагал, удачно избежавшего наказания<sup>175</sup>.

Обращала на себя внимание и деятельность полицейского пристава г. Красноярска Н. А. Кульченкова, который, по сообщениям сибирской прессы, «менее чем за неделю разыскал более 200 человек, не имевших не только определенных занятий, но даже оказавшихся бежавшими с каторги»<sup>176</sup>.

Это были исключительные случаи. Память о них сохранилась надолго, а большинство героев произошедшего даже через многие десятилетия могли назвать не только по фамилиям, но и по имени-отчеству.

Обычно приходилось наблюдать явление противоположное. В частности, «деловые» отношения со стражами порядка объясняли неуловимость одного из «атаманов разбойничьих шаек» Александрова. «Александров, — писал В. К. Андриевич, — был доходною статьей исправника. На допросах, которым подвергался по поимке из бегов, он показывал, например, что у богатого мужика ночевал две ночи. Исправник с казаками наезжает к мужику. Может быть, атаман показывал и несправедливо, но исправник свое возьмет, мужик его оплатит»<sup>177</sup>.

«Отвращение и ненависть у граждан Красноярска, — вспоминал Л. П. Бердников, — вызывал полицмейстер города Попов... распущенный и недобросовестный человек, при котором грабежи и убийства в городе

---

<sup>173</sup> Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 218.

<sup>174</sup> Злоба дня // Восточное обозрение. 1890. № 19. С. 1.

<sup>175</sup> Разбойник Семен Алексеев Тарасов // Восточное обозрение. 1891. № 50. С. 12.

<sup>176</sup> Корреспонденции // Восточное обозрение. 1884. № 42. С. 6.

<sup>177</sup> Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии: исторический очерк Сибири, основанный на данных предоставляемых полным Собранием законов и сенатским архивом. Ч. 2: Период с 1806 по 1819 г. СПб., 1889. С. 326.

стали частым явлением... участвовал при разграблении в дележке с мошенниками краденых вещей»<sup>178</sup>.

По сведениям жандармских чинов, крайне «неохотно принимали к своему расследованию дела, в которых не видели для себя никакой материальной выгоды» и земские заседатели Енисейской губернии. В связи с чем «расследования по горячим следам в большинстве случаев не практиковались»<sup>179</sup>.

Между двумя крайностями – отчаянной борьбой с преступниками и «деловым» сотрудничеством с ними – выбирали, как правило, самый разумный в той ситуации третий вариант. При этом наибольшее распространение получил «сыск через публикации», в ходе которого полицейская деятельность сводилась фактически к пересылке огромного количества всевозможных требований.

«Розыски если и делаются, то только на бумаге, и то ужасно медленно», – неизменно констатировалось в материалах проводившихся ревизий. Так, авторы «Записки о ревизии Иркутского городского полицейского управления», датированной 1885 г., сообщали: «Сыск больше делается на бумаге, чем на самом деле. Обыкновенно полицейское управление по всем сыскным статьям посылает предписание приставам, а те, спросив кое-кого в своей канцелярии о розыске важном, или вручив безграмотному полицейскому повестку на имя разыскиваемого и получив от него ответ, что не нашел, доносят по начальству, что по розыскам в районе таковой-то части не оказалось»<sup>180</sup>.

В 1898 г. проверяли сыскную деятельность губернской полиции. В связи с этим Иркутский военный губернатор отмечал, что «при ревизии некоторых полицейских должностных лиц и волостных правлений Киренского, Верхотурского и Балаганского округов была усмотрена огромная переписка, производимая по розыску похищенных в разных местностях губернии предметов. При ближайшем ознакомлении с установившимися по этому предмету порядками оказалось, что не только волостные, но и полицейские управления в случае совершения в подведомственных им районах краж обращаются к соседним волостным и полицейским управлениям с требованием о производстве розысков похищенного, причем каждое полицейское управление надписью на поступившей бумаге дает предписание полицейскому надзирателю с требованием по окончании розыска передать переписку земскому заседателю 1 уч., который в свою очередь передает переписку для последовательного исполнения подведомственным ему волостным правлениям и по получении переписки от последнего волостного правления передает ее заседателю 2 уч. для подобного же движе-

---

<sup>178</sup> Бердников Л. П. Указ. соч. С. 45.

<sup>179</sup> ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 270. Л. 21.

<sup>180</sup> ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 309. Л. 12, 26.

ния. Эту систему усвоили в свою очередь волостные правления, поручая розыски сельским старостам».

Особенно возмутил военного губернатора тот факт, что «просмотрев массу таких переписок, он ни в одной не нашел успешного результата, обнаружив в то же время столь формальное отношение к этому делу, что передача переписок продолжалась по истечении более года со времени совершения преступления, что разыскивались вещи, признаки которых совершенно не были определены и что нередко искали по истечении продолжительного времени такие предметы, которые должны были быть потреблены, как например, съестные припасы».

Примечательно, что, по мнению военного губернатора, «подобный порядок не находил себе ни малейшего основания ни в законе, ни в практической потребности и представлялся даже крайне вредным, так как давал повод полицейским чинам и волостным старшинам ограничиваться канцелярской отпискою вместо требуемых делом энергических и толковых розысков»<sup>181</sup>.

При таком бюрократическом подходе к уголовному сыску нередко возникали анекдотичные ситуации, когда чиновники в переписке требовали разыскать неизвестных преступников, не указывая ни их имен, ни примерного местонахождения, ни примет<sup>182</sup>.

Проводя розыск, большинство полицейских чиновников не желали выходить за территориальные пределы собственных участков, что значительно снижало их эффективность. В связи с этим начальник Иркутской городской полиции войсковой старшина Х. З. Маковский в 1883 г. отмечал, что «пристава при производстве, как дознаний, так и самих следственных действий дозволяют себе уклоняться от личного производства обысков, выемок и повальных обысков о поведении в отношении тех заподозренных, разыскиваемых и обыскиваемых лиц, которые проживают не в той части города, в которой производится дознание или следствие, а в других частях, посылая в оныя об этом по месту упомянутых выше лиц требования приставам, что само собою вызывает медлительность в производстве дознаний и следствий и, кроме того, дает возможность разыскиваемым лицам скрыться и скрыть отыскиваемое»<sup>183</sup>.

Об этом же недостатке полицейской деятельности говорил в 1898 г. прокурор Иркутской судебной палаты А. Кобылин, указывая на то, что «между чинами 1 и 2 части Красноярской городской полиции замечается полное отсутствие единства действий. Когда дознание и розыски производятся в одной части, то другая часть смотрит на это, как на дело совершенно постороннее ей. Непосредственных сношений друг с другом, — чем главным образом обусловливается быстрота и успешность розысков, — не

<sup>181</sup> Отдел II-й местный // Иркутские губернские ведомости. 1898. № 16. С. 2.

<sup>182</sup> Там же.

<sup>183</sup> ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1442. Л. 91.

делается, вместо этого заводится официальная переписка, которая обыкновенно затягивается на весьма продолжительное время и в результате оказывается совершенно бесплодною»<sup>184</sup>.

О такой переписке сообщал в своей статье «Пасынки Фемиды» В. Анучин: «Получив обратно не врученную обвиняемому повестку с лаконической надписью: "в указанном месте на жительстве не оказался", мировой судья поручает произвести розыск становому приставу. Этот рассылает приказы урядникам, они – сотским; потом приказы со сведениями идут тем же порядком обратно и, наконец, целой пачкой получают мировым судьей от пристава.

В пачке на каждом листе одна и та же стереотипная фраза: "и ... в деревне N не проживает", "в селе Z не разыскан" и т.д., а под каждой надписью мастичная печать неграмотного старосты или сотского. Пачка подшивается к делу, судья пишет постановление о розыске через публикации, объявление посылается в редакции официальных газет, дело же откладывается до поры до времени. Через некоторое время в камеру к судье является незнакомец за справкой, когда же, наконец, будут разбирать его дело. Оказывается, это разыскиваемый; он все сидел дома и ждал повестки»<sup>185</sup>.

О том, как велись дела по «сыскной части» можно узнать из материалов расследования убийства крестьянина Стрекаловского. В официальном документе сообщалось: «Тело крестьянина Егора Стрекаловского найдено 15 февраля 1872 г. в 1/2 верстах от города. Хотя пристав упомянул в акте, что по случаю сильной окоченелости трупа и невозможности снять одежду, знаков насильственной смерти определить невозможно, но в том же акте сказано: "шея распухла и на ней находится крепко затянутый петлей сыромятный ремень". Удавка явно указывала на насильственную смерть Стрекаловского. Труп его отправлен в анатомический театр, но следовательно, почему-то не настоял на немедленном вскрытии трупа, и неизвестно, был ли вскрыт труп»<sup>186</sup>.

Такого рода служебная халатность была типичной и ее многочисленные примеры можно найти в практике деятельности не только иркутской полиции. Так, во время проведения дознания по поводу смерти иркутской мещанки Булатовой, чей труп был найден полицейскими г. Читы «под мостом на Большой улице», стражи порядка пришли к выводу, что «Булатова умерла от угара, а под мост ее сволокли из человеколюбия, после неудачного оказания помощи». Между тем при прокурорской проверке и последовавшей за этим эксгумации трупа на теле потерпевшей было обнаружено

---

<sup>184</sup> ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 21. Л. 17.

<sup>185</sup> Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909. № 51. С. 53.

<sup>186</sup> ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 309. Л. 30.

«более полусотни знаков насилия, на шее следы от давления рукой, на органах признаки смерти от удушения»<sup>187</sup>.

Более радикальные способы уклонения от дальнейших исследований использовались полицейскими чиновниками Енисейской губернии. Как следовало из доклада начальника Енисейского губернского жандармского управления, «подлежащие судебному-медицинскому вскрытию трупы по несколько недель оставались под влиянием воздуха... и в разложении их земские заседатели видели лучший исход к скорейшему прекращению возникающих дел»<sup>188</sup>.

Злоупотребления в среде полицейских служащих Иркутской губернии получили настолько широкое распространение, что стали известны в Санкт-Петербурге. В связи с этим еще в 1801 г. последовал именной указ, предписывавший иркутскому военному губернатору Б. Б. Леццано «силою закона оградить местных жителей от всякого их притеснения со стороны чиновников... и доставить им во всяких случаях нужную помощь и защиту»<sup>189</sup>.

Однако «беспорядки» и «расположение разбоев в губернии» не прекращались, став характерной приметой местного быта. Даже столицу генерал-губернаторства Иркутск периодически сотрясали кровавые разбои, когда жертвами преступников оказывались целые семьи, бандиты не щадили даже детей.

Так, по сообщениям Н. С. Романова: «25 декабря 1867 г. город был взволнован убийством семейства Липшиц. Муж Файнш Липшиц, отставной солдат из евреев, 45 л., его жена Шейнарина, 25 л. и дочь Эстер, 6 лет. Убийство совершено топором, и трупы убитых страшно изуродованы. Часть вещей оказалась разграбленною»<sup>190</sup>.

Своеобразным отчетом иркутского городского управления о поимке уголовных преступников является «Книга розысков на 1883 год». В ней зафиксировано 20 «розыскных дел», находившихся в производстве, с 41 фигурантом и абсолютное отсутствие положительного результата<sup>191</sup>.

Вместе с тем, по оценке современников, «способность не видеть того, что совершается перед глазами... не разыскивать тех, кого ищут, была присуща полиции всех без исключения городов Восточной Сибири»<sup>192</sup>.

Прокурор Иркутской судебной палаты отмечал, что «благодаря почти полному отсутствию розыска большое число совершаемых преступле-

<sup>187</sup> Корреспонденции // Сибирь. 1886. № 12. С. 8.

<sup>188</sup> ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 270. Л. 21; См.: Канск // Енисей. 1900. №126. С. 3.

<sup>189</sup> Андриевич В.К. Часть 1: Период от смерти Императрицы Екатерины II до 1806 г. С. 17.

<sup>190</sup> Романов Н. С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. С. 410.

<sup>191</sup> ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 259. Л. 70.

<sup>192</sup> Андриевич Часть 2: Период с 1806 по 1819 г. С. 419.

ний и притом самого тяжкого характера оставались и остаются не раскрытыми»<sup>193</sup>.

«Жизнь обывателя, – писали очевидцы, – сделалась тревожной, так как защиты у него почти не было никакой, оставалось только одно, – это оберегаться своими силами и средствами»<sup>194</sup>.

Тревожной была жизнь не только у обывателей, но и у высших должностных лиц губернии. «Дошло до того, – сообщает очевидец этих событий, – что в одну ночь были обкрадены губернатор, исполняющий должность губернатора и и.д. полицмейстера, у 1-го украдена лошадь, у 2-го вещи из погреба, у 3-го вещи из чулана»<sup>195</sup>.

Особенно сильно страдали жители сельской местности, которые в еще меньшей степени, чем горожане, могли рассчитывать на помощь полиции. Подчас даже сами уездные исправники, олицетворявшие в сельской местности органы государственной власти, были не в состоянии оградить от преступных посягательств ни собственное имущество, ни жизни своих близких.

Показательным в этом отношении являлось разбойное нападение на квартиру минусинского уездного исправника Стоянова, совершенное 21 июня 1900 г. Как сообщала местная хроника, «в 10 ч. утра Стоянов отправился на службу в полицейское управление, оставив в квартире служанку 23 лет. Воспользовавшись этим, злоумышленники проникли через кухню в дом, задушили служанку и, ограбив Стоянова на 500 руб., скрылись без всяких следов»<sup>196</sup>. Очевидцы тех событий рассказывали, что «всех охватила паника». Многие жители Минусинского уезда, после этого дерзкого нападения задавали себе вопрос: «Если-де у самого начальника полиции среди бела дня убивают и грабят, то что же будет с нами»<sup>197</sup>. Местная власть оказалась абсолютно неспособной защитить их от преступников. Понимая это, селяне отправляли свои жалобы в Санкт-Петербург.

Один из них, крестьянин Селиванов, в 1906 г. писал министру внутренних дел: «Занимаясь торговлей в течение уже нескольких лет, я езжу по селениям Иркутской губернии, проникаю в самые отдаленные и труднодоступные уголки и прихожу в ужас от совершающихся кругом в селениях злодеяний со стороны лиц со злою волею, которыми переполнен этот край, как бывшее место ссылки каторжников: разбои, убийства с целью ограбления, грабежи, поджигательства, конокрадство в ужасных размерах, мирные жители страдают, делаются нищими, голодают, идут просить по миру, картины ужасны и благодаря лишь тому, что некому по-

<sup>193</sup> ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 114. Л. 45.

<sup>194</sup> Мелентьев А. Забайкальская железная дорога во время мира и русско-японской войны 1900–1907 гг. Иркутск, 1911. С. 128.

<sup>195</sup> Романов Н. С. Указ соч. С. 132.

<sup>196</sup> Минусинск // Енисей. 1900. № 100. С. 3.

<sup>197</sup> Там же.

дать руку помощи, предупредить и пресечь преступления. За что же забыта и брошена Сибирь и ее жители на произвол, откуда ждать и где искать помощи!»<sup>198</sup>.

Полиция не могла оказать местным жителям нужную помощь из-за несоответствия ее стандартной организации специфике сибирской жизнедеятельности. Широкий круг обязанностей, напрямую не связанных с правоохранительной работой, малочисленность штатов и недостаточное финансирование «сыскных расходов» не позволяли организовать уголовный сыск должным образом, обеспечивая в результате безопасность законопослушного населения.

Не имея возможности достойно противодействовать злодеям, полицейские служащие в подавляющем большинстве случаев не занимались их сыском. Героизм и самопожертвование лучших представителей полиции Восточной Сибири не могли повлиять на сложившееся положение дел решающим образом, а «деловые» отношения отщепенцев с преступниками значительно его ухудшали.

Для того, чтобы полиция эффективно занималась уголовным сыском на сибирских территориях, требовалась ее кардинальная реорганизация, основанная на увеличении государственного финансирования.

Принято считать, что настоятельная необходимость в специализации сыскной деятельности возникла у российского общества к концу XV в., когда, как пишет И. Е. Андреевский: «Русская община, сторожившая многие условия безопасности и благосостояния, замирает... сломленные вечевые начала заменяются порядками Московского государства». Именно изменение «строя общины, имевшей прежде у себя средства предупреждения опасности от лихих людей, – считает автор, и это мнение разделяется большинством исследователей, – вызвало необходимость в создании особых полицейских органов»<sup>199</sup>.

Неслучайно с 1539 г. в Московском государстве начал действовать созданный Разбойный приказ, переименованный позднее в Разбойный сыскной приказ (1682 г.), а затем в Приказ сыскных дел (1687 г.).

Выполняя роль центрального судебно-полицейского органа на местах, в уездах, Разбойный приказ осуществлял уголовный сыск посредством выборных органов управления – губных и земских изб. Особая роль при этом отводилась губному старосте, который избирался из числа дворян или «боярских детей», и, как пишет И. Е. Андреевский, «принимал меры для предупреждения разбоев, ловил лихих людей и отправлял над ними суд»<sup>200</sup>.

---

<sup>198</sup> ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 1737. Л. 38.

<sup>199</sup> Андреевский И. Е. Полицейское право. Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб., 1874. Т. 1. С. 77.

<sup>200</sup> Там же. С. 80.

Между тем в Восточной Сибири XVII столетия по причине отсутствия дворянских сословных учреждений губная реформа не проводилась<sup>201</sup>. Особые сыскные чиновники, за дальностью расстояний, посылались сюда лишь в исключительных случаях, когда возникали подозрения «в государевой измене»<sup>202</sup>. Вся полнота судебной-полицейской власти была сосредоточена только в ведении царских наместников<sup>203</sup>.

Сложившийся порядок с определенными изменениями продолжал действовать на территории Восточной Сибири вплоть до середины XIX столетия, когда критическое состояние как криминогенной ситуации, так и полицейской службы вынудило власти заняться специализацией полицейских структур. Тогда для организации эффективного расследования дел уголовного характера в штат Главного управления Восточной Сибири в качестве чиновника по особым поручениям был зачислен бывший полицейский пристав г. Иркутска коллежский асессор А. М. Блинов. Прикомандированный в 1875 г. к Иркутскому городскому полицейскому управлению для исполнения «экстренных и важных поручений» А. М. Блинов находился в непосредственном подчинении генерал-губернатора и привлекался к расследованию наиболее тяжких и запутанных уголовных преступлений.

Между тем с течением времени проблема сыска уголовных преступников только усугублялась. Посетивший Иркутскую губернию начальник Главного тюремного управления А. П. Соломон отмечал, что «нет возможности перечесать сколько преступлений остаются необнаруженными: нигде так, как в Сибири, не высок процент дел, направляемых к прекращению за необнаружением виновного или отсутствием улик, и эти дела принадлежат не только к маловажным, но и к крупным, в особенности об убийствах».

Из рассказов сибирских судебных чинов видно, что на одно раскрытое и доведенное до суда убийство приходится много прекращенных, где все дело оканчивается лишь распоряжением о предании земле неизвестного мертвого тела с признаками на нем насильственной смерти<sup>204</sup>.

Анализируя причины существенного снижения личной и имущественной безопасности местного населения, высшие чиновники губернии пришли к выводу о «необходимости организации специального подразделения полицейских сыщиков».

---

<sup>201</sup> История Сибири. Т. 2: Сибирь в эпоху капитализма / под ред. А. П. Окладникова. Л., 1968. С. 125.

<sup>202</sup> Оглоблин Н. Н. Обзор столбцов Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. М., 1895. С. 179–199.

<sup>203</sup> История Сибири. Т. 2. С. 127, 131.

<sup>204</sup> Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900. С. 305.

Первая попытка формирования сыскного отряда в Восточной Сибири была предпринята в 1883 г. Тогда исполнявший обязанности полицмейстера г. Иркутска войсковой старшина Х.Ф. Маковский ходатайствовал перед губернатором о том, «чтобы хоть сколько-нибудь иметь возможность вылавливать личности подобные разбойнику Саковскому, сформировать хотя бы на первое время незначительную команду нижних чинов более опытных, более знакомых с местным населением и известных своей добросовестностью»<sup>205</sup>.

Губернатор согласился с доводами полицмейстера и, как следовало из официальной переписки, направил его рапорт в «городскую управу для исполнения на удовлетворение городской полиции». Указание губернатора было выполнено немедленно, в Иркутске появился «особый отряд сыскной полиции»<sup>206</sup>. Действуя под руководством отставного унтер-офицера Я.К. Чусова, он состоял из девяти нижних чинов. Ученик легендарного сибирского сыщика надворного советника А. М. Блинова Я. К. Чусов, по отзывам иркутских обывателей, не только «был человеком известным своей честностью, усердием в полицейской службе, но и замечательным сыщиком и специалистом по поимке разбойников»<sup>207</sup>.

В соответствии с инструкциями начальника городской полиции основной обязанностью сыщиков являлась «возможно частая проверка днем и ночью разных подозрительных мест известных как притоны, проверка питейных и т.п. заведений, где тоже часто вращались разные порочные личности; собирание негласным путем тех сведений, которые могли указать присутствие в городе опасных личностей и навести на их след». Особый же контроль, причем негласный, требовалось осуществлять над «хлебным базаром, как излюбленным местом всех мошенников»<sup>208</sup>.

Отряд начал активно действовать, но вскоре после своего формирования «за неимением средств» был распущен, а его начальник Я. К. Чусов, неоднократно рисковавший собственной жизнью ради спасения иркутян и награжденный за сыскной труд по «Высочайшему повелению... серебряною медалью с надписью "За усердие" для ношения на груди», погиб при поимке разбойников<sup>209</sup>.

Однако уже через два года, в 1885 г. начальник городской полиции капитан А. В. Озерский признавал: «Для пользы дела крайне необходимым устроить в г. Иркутске сыскную полицию ввиду разного рода преступлений, открывать которые наружная полиция не имела возможности». Вследствие этого при полицейском управлении г. Иркутска под началом пристава следственных дел Н. Д. Добронравова был вновь организован

<sup>205</sup> ГАИО. Ф. 32. Оп. 3. Д. 145. Л. 2.

<sup>206</sup> Там же.

<sup>207</sup> Разбойник Алифанов // Сибирский архив. 1912. № 4 С. 267.

<sup>208</sup> ГАИО. Ф. 32. Оп. 3. Д. 145. Л. 2.

<sup>209</sup> Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 985. Л. 27.

«небольшой отряд сыщиков»<sup>210</sup>. Так же, как и в первом случае начальником отряда стал человек, неоднократно подтверждавший свою состоятельность на поприще уголовного сыска. За многолетнюю службу в городской полиции Николай Дмитриевич раскрыл немало уголовных дел.

Знали о прославленном сибирском сыщике и в Санкт-Петербурге. По сообщениям Н. С. Романова, Д. Н. Добронравов не раз выступал в Санкт-Петербургском антропометрическом обществе, демонстрируя «альбомы с весьма интересными фотографиями типов убийц, дающими ясное представление о тех "людях-зверях" рецидивистах, которыми населена каторга Сибири»<sup>211</sup>.

Вверяя руководство сыскным отрядом Н. Д. Добронравову, губернские начальники имели все основания полагать, что уголовный сыск будет поставлен в Восточной Сибири на должную высоту. Однако, несмотря на то, что, по единодушному мнению как власти, так и общества, «отряд сыщиков приносил немаловажную пользу и показал крайнюю необходимость наличия сыскной полиции», он также был расформирован. И так же, как и в предыдущем случае «за неимением средств»<sup>212</sup>.

Размеры «сыскного кредита», выделявшегося государством для нужд Иркутской губернии, варьировались от 629 руб. в 1880 г. до 1620 руб. в 1897 г.<sup>213</sup> Между тем, по расчетам капитана А. В. Озерского, для организации работы сыскного отряда, состоявшего всего из нескольких полицейских служащих, в течение только одного года требовалось около 1000 руб.<sup>214</sup> Для более успешного сыска уголовных преступников путем создания в одном только Иркутске постоянно действовавшей агентурной сети, по смете войскового старшины Х. Ф. Маковского, требовалось уже 5000 руб.<sup>215</sup> Эти суммы явно превышали объемы «секретных расходов», отпускавшихся не только для Иркутской городской полиции, но и для всей Иркутской губернии.

Не имея возможности из-за слабого финансирования создать «отряд сыщиков» на штатной основе, местная власть решила сделать это на основе общественной. Так, в мае 1890 г. при личной беседе с полицейскими чиновниками города председатель совета Главного управления Восточной Сибири генерал-лейтенант К. Н. Шалашников заявил о том, что «для более успешных розысков преступников и открытия преступлений необходимо чинам полиции иметь сыщиков, избирая для этого людей благонадежных и знакомых с сыскной деятельностью»<sup>216</sup>.

---

<sup>210</sup> ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5555. Л. 1.

<sup>211</sup> Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. С. 365.

<sup>212</sup> ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5555. Л. 2.

<sup>213</sup> Там же. Д. 446. Л. 142.

<sup>214</sup> Там же. Д. 5555. Л. 1.

<sup>215</sup> Там же. Оп. 3. Д. 145. Л. 2.

<sup>216</sup> Там же. Оп. 1. Д. 446. Л. 128.

Полицейские начальники Иркутска немедленно реализовали данную установку. Однако реальная действительность быстро расставила все на свои места. Найти «благонадежных людей» в «столице каторги и ссылки» было весьма непросто, а большинство найденных, став «вольнонаемными сыщиками», стремились совместить службу в полиции с противоправной деятельностью.

Непостоянное и невысокое жалование полицейского агента, отсутствие каких-либо социальных гарантий, близость к криминальному миру и наличие властных полномочий неумолимо деформировали сознание даже тех обывателей, у которых не было темного прошлого в виде каторги и ссылки.

В 1899 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления докладывал губернатору о том, что по дошедшим до него сведениям «красноярский мещанин Филипп Ситников, состоящий при 3 части в качестве агента-сыщика и получающий от полиции жалование, вместо исполнения поручений полиции об открытии воров, мошенников и вообще людей подозрительных, скрывает их за полученные с них взятки и позволяет таким образом злоупотреблять тем доверием полиции, которым пользуется как служащий агент»<sup>217</sup>. Очевидцы утверждали, «что при обыске [у подозреваемых] Ситников помогал скрыть многие вещи... приносил воровские вещи продавать к своему хорошему знакомому Максимову... в питейном заведении жены мещанина Абрамова давал трехрублевые фальшивые кредитные билеты для размена за выпитое вино»<sup>218</sup>.

Такие казусы с подбором «благонадежных людей» случались нередко, имея иногда, к большому огорчению полиции, достаточно широкую огласку. Один из них произошел с вольнонаемным агентом в 1890 г. Тогда на скамье подсудимых среди участников банды Черевинского, несколько лет ужасавшей своими действиями местное население, оказался «полицейский фискал» сапожник Буров.

Бывший каторжник, осужденный за грабеж, отбыл срок наказания и содержал в Иркутске сапожную мастерскую. Со временем ссыльнопоселенец Буров «сумел приобрести некоторое доверие полиции и играл роль фискала»<sup>219</sup>. Предприимчивый уголовник совмещал обязанности полицейского агента и работу сапожника, укрывая в своем доме беглых каторжников и принимая самое деятельное участие в совершении краж и грабежей. Немаловажное значение при этом имела осведомленность «фискала» о планах городской полиции.

Судебное заседание по делу банды Черевинского продолжалось семь дней, а в качестве свидетелей было привлечено 110 человек<sup>220</sup>. В связи с

---

<sup>217</sup> ГАИО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1928. Л. 9.

<sup>218</sup> Там же. Л. 10.

<sup>219</sup> Злоба дня // Восточное обозрение. 1890. № 19. С. 1.

<sup>220</sup> Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. С. 218.

этим городское сообщество оценивало деятельность наемных сыщиков как крайне неудовлетворительную и даже вредную для иркутян. Со временем ее отразила местная пресса, в частности, корреспонденты газеты «Сибирь» сообщали о том, что «в последнее время появился в Иркутске особый вид жуликов, занимающихся шантажом. Обыкновенно такой жулик, припертый к стене, и подлежащий или высылке на место жительства, или посадке в мешок, обращается к полиции и предлагает им свои услуги в качестве “сыщика”. Затем начинает плести паутину: у того-то водятся фальшивые кредитки, там-то воровские вещи и т.д.

Ретивый полицейский с радостью принимается за розыски; без разбора лезет по указаниям шантажиста с обыском к людям, ничем не подавшим повода к подозрению»<sup>221</sup>.

В 1900 г. на очередное происшествие с иркутскими «сыщиками» обратил внимание сам губернатор. Поводом к формальному разбирательству послужило прошение ссыльнопоселенца Чечуйской волости М. Ф. Новоселова, в котором сообщалось, что «в Иркутске вновь образовалась шайка мошенников, которые себя именуют сыщиками Иркутской полиции». Как следовало из дальнейших показаний М. Ф. Новоселова, «самозванцы», используя положение официальных помощников полиции, «отбирали от бедных людей взятки по 10 рублей... угрожая каждому бедному еврею из ссыльнопоселенцев высылкой из Иркутска, если они не дадут им денег». Главными же виновниками, «шапкой» мошенничеств, являлись, по мнению М. Ф. Новоселова, ссыльнопоселенцы Илгинской волости У. Левинсон и Я. Мермельштейн<sup>222</sup>.

В ходе дознания, порученного городской полиции, выяснилось, что уроженец Подольской губернии Я. И. Мермельштейн в 1887 г. был осужден в Кишиневском окружном суде «за разбой к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 10 лет». Схожую биографию имел и У. А. Левенсон, признанный в 1888 г. Уманским окружным судом виновным в разбойном нападении<sup>223</sup>.

Однако, несмотря на темное прошлое, по свидетельству полицмейстера г. Иркутска капитана Янчиса, оба ссыльнопоселенца «оказывали услуги по розыску разных преступных лиц... весьма ценные в смысле удаления опасных лиц из города». Кроме того, находясь в непосредственном подчинении у начальника городской полиции, сыщики не только расследовали преступления, но и задерживали особо опасных рецидивистов. Так, со слов полицмейстера, Я. Мермельштейн в 1899 г. «лично, в Подгорно-Жилкинском селении задержал беглокаторжного Ароновского», убийцу и

---

<sup>221</sup> Сибирская хроника // Сибирь. 1886. № 17. С. 6.

<sup>222</sup> ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2392. Л. 7.

<sup>223</sup> Там же. Л. 70, 74.

грабителя известного в преступном мире под именами Арончика, Капельмейстера и Брацлавского<sup>224</sup>.

На имя прокурора окружного суда было подано очередное прошение. Ссыльнопоселенец Братской острожной волости И. Нусельбаум ставил в известность судебные власти о сопричастности Я. Мермельштейна к краже и сбыту лошадей. Из полученных от И. Нусельбаума сведений следовало, что «после совершенной у него кражи трех лошадей через некоторое время заявился еврей из ссыльнопоселенцев Я. Мермельштейн и объявил, что он сыщик городской полиции и что ему известно о краже и где находятся лошади». Для «скорейшего возвращения покраденного» сыщик попросил у И. Нусельбаума 100 рублей, из коих 40 руб. предназначались якобы в «уплату ворах по воровским судам»<sup>225</sup>.

Однако, по показаниям свидетеля Ц. Пахнуцкого, «получив деньги и погонную, Я. Мермельштейн недели две тянул без всяких розысков, сам никуда не уезжал и никого не посылал... дело неоправданно затягивал... указав в конечном итоге на совершенно других лошадей». Посчитав поведение полицейского сыщика подозрительным, а его самого причастным к похищению лошадей, И. Нусельбаум отправился на поиски сам. Через некоторое время в Качуге он не только нашел часть украденного, но и узнал от местных жителей, «что лошади были отправлены в Качуг самим же Я. Мермельштейном с Г. Горбатым, который и продал двух лошадей в Качуге»<sup>226</sup>.

Опрошенный по этому поводу полицмейстер Янчис рассказал, что сам «предложил [Нусельбауму] дать на расходы по розыску лошадей 25 руб... сделка была добровольная, при предупреждении, что деньги могут пропасть, а лошади будут не найдены, на что Нусельбаум согласился»<sup>227</sup>.

Однако поведение сыщиков, к которым по приезду из Качуга «со слезами» и просьбой вернуть деньги обратился И. Нусельбаум, оказалось несколько странным. «Мы агенты сыскной полиции, и если захочем, то костей твоих не останется», – ответил потерпевшему Я. Мермельштейн<sup>228</sup>.

О том, что угрозы эти не пустые И. Нусельбаум убедился уже к вечеру того же дня, оказавшись под арестом в 3 полицейской части г. Иркутска. В дальнейшем, по показаниям свидетелей, полицейские сыщики «неоднократно наносили Нусельбауму разные оскорбления и угрозы».

Очевидно, что, осуществляя сыск уголовных преступников, полицейские агенты У. Левинсон и Я. Мермельштейн не забывали и о своем личном достатке, используя положение негласных сотрудников полиции и

---

<sup>224</sup> ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2392. Л. 96.

<sup>225</sup> Там же. Л. 49.

<sup>226</sup> Там же. Л. 53.

<sup>227</sup> Там же. Л. 97.

<sup>228</sup> Там же. Л. 99.

личные связи с полицейским начальством для осуществления хитроумных комбинаций.

Результаты деятельности «вольнонаемных сыщиков» убедили власть в необходимости организовывать и развивать уголовный сыск, рассчитывая исключительно на штатных сотрудников полиции. Поэтому 20 сентября 1901 г. общее присутствие Иркутского губернского управления «нашло существенно необходимым учреждение особого сыскного отделения при городском полицейском управлении с соответствующим штатом из пристава, пяти полицейских надзирателей, считая по одному на каждую полицейскую часть города и низших агентов»<sup>229</sup>.

Однако это намерение не встретило должной поддержки ни государственной власти, ни местного самоуправления. Они отказались от соответствующего финансирования.

Так, на ходатайство начальника края о внесении требовавшихся изменений в штаты Иркутской городской полиции, отправленного 18 апреля 1902 г. соответствующему департаменту Министерства внутренних дел Российской империи, через две недели ответили: «сыскная часть в виде отдельного управления организована только в столицах и в г. Одессе, с которыми, очевидно, в сравнении г. Иркутск идти не может. Ввиду сего, казалось бы, возможно ограничиться, если в том представится неотложная надобность, увеличением отпускаемого губернатору сыскного кредита»<sup>230</sup>, т. е. рекомендовалось придерживаться имевшейся схемы финансирования, когда деньги на уголовный сыск выдавались полицейским приставам каждой части. Следовательно, вести его по-прежнему должны были чиновники общей полиции, а не профессиональные сыщики.

Против введения в штат местной полиции сыскной части выступили и гласные Иркутской городской думы. Они заявили, что «высказанные мотивы за учреждение сыскной части предупреждены учреждением в Иркутске мирового и окружного судов, а равно и отменой ссылки ... сыскная часть в Сибири до настоящего времени относилась за счет государства и исторически вверялась институту жандармов, каковой в Иркутске есть и, в случаях надобности может содействовать полиции»<sup>231</sup>.

Действительная же причина такой позиции Иркутской думы состояла, видимо, в ее неспособности взять на себя дополнительные расходы, городской бюджет явно не выдержал бы такой нагрузки. На местное самоуправление и без того приходилось свыше 80 % «полицейских расходов»<sup>232</sup>.

Тем не менее к началу XX в. очевидной стала потребность не только в четкой специализации полицейской деятельности и формировании организационных структур уголовного сыска, но и в абсолютном контроле

---

<sup>229</sup> ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 114. Л. 71.

<sup>230</sup> Там же. Л. 88.

<sup>231</sup> Там же. Л. 133.

<sup>232</sup> Там же. Л. 87, 88, 92.

за ним со стороны государства, основанном на соответствующем финансировании.

Убедительно подтверждала это попытка организовать уголовный сыск на общественных началах, предпринятая в Восточной Сибири и обусловленная предельной остротой криминогенной ситуации и хроническим недофинансированием полиции.

Характерно, что необходимость создания организационных структур уголовного сыска проявилась в Восточной Сибири значительно острее, чем в других районах страны, что показывают соответствующие и настойчивые действия местной администрации. Причем результаты этих действий явно вынуждали государственную власть принимать необходимые решения.

Низкая эффективность уголовного сыска становилась к началу XX в. чрезвычайно опасной для российского общества. В условиях капиталистической трансформации рост уголовной преступности начал значительно опережать темпы прироста населения страны. Если с 1885 по 1898 г. число осужденных окружными судами увеличилось на 12 %, то с 1899 по 1908 г. на 66 %, т.е. более чем в 5 раз<sup>233</sup>. По количеству совершенных преступлений императорская Россия занимала к 1913 г. одно из первых мест в мире: на 159 млн человек населения приходилось 3,5 млн зарегистрированных преступлений<sup>234</sup>.

При этом согласно данным Министерства юстиции ежегодно 31 % следствий по уголовным делам прекращались из-за низкого уровня сыскной деятельности.

«Одним из существенных моментов в успешном расследовании, отмечали тогда на страницах официальных изданий, является быстрота прибытия полиции на место происшествия, что в значительной мере совершенно недостижимо при выполнении этой задачи общей полицией, занятой почти непрерывно несением других, таких же серьезных обязанностей ...»<sup>235</sup>.

В то же время опыт деятельности имевшихся подразделений сыскной полиции свидетельствовал в пользу их повсеместного распространения. Официальные источники указывали: «там, где были сыскные части, количество не разысканных преступников было меньше, чем там, где борьбу вела только наружная полиция»<sup>236</sup>.

О проблемах борьбы с уголовной преступностью активно заговорили в Государственной думе. Выступавшие обращали внимание на то, что «состояние сыска в империи представляет собою, несомненно, прямую опасность во время столь быстрого роста преступности»<sup>237</sup>. Депутаты признали крайне необходимой организацию сыскных отделений в масштабах всей страны. Против этого не возражала и исполнительная власть. В результате 6

<sup>233</sup> Мулукаев Р. С. Указ. соч. С. 75.

<sup>234</sup> Наша служба – уголовный розыск. М., 1998. С. 27–28.

<sup>235</sup> Проект об организации сыскной части // Вестник полиции. 1908. № 7. С. 7.

<sup>236</sup> Мулукаев Р., Полубинский В. Сказ о сыске // Советская милиция. 1991. № 9. С. 38.

<sup>237</sup> Там же. С. 37.

июля 1908 г. был высочайше утвержден одобренный Государственным советом и Государственной думой закон «Об организации сыскной части».

В масштабах всего государства началось формирование системы полицейских учреждений, специализировавшихся на сыскной деятельности. В составе полицейских управлений 89 городов Российской империи образовывались сыскные отделения четырех разрядов. Они должны были вести розыск по делам общеуголовного характера как в городах, так и в уездах<sup>238</sup>.

Сыскные отделения первого разряда формировались в городах с населением в 190–210 тыс. человек. В городах с населением от 35 до 90 тыс. человек организовывались сыскные отделения третьего разряда. Отделения четвертого разряда открывались в городах с населением до 35 тыс. жителей.

Дополнительным условием для небольших городов являлось наличие высших административных, судебных, воинских учреждений или таких предприятий, «которые притягивают к себе наиболее беспокойные элементы населения (заводы, фабрики, железнодорожные узлы и т. д.)»<sup>239</sup>.

В основу организации российской сыскной полиции была положена децентрализованная система управления. Традиционное для Российской империи устройство, когда власть губернатора по закону являлась «судебно-полицейской, распорядительной, исполнительной и понудительной», существенно снижало взаимодействие между сыскными отделениями различных регионов и в розыскной практике оказалось недостаточно эффективным, ведь поддерживать какие-либо официальные связи за пределами своей территории, согласовывая любые действия местной и центральной властей, мог только губернатор, являвшийся прямым начальником как городских, так и уездных полицейских управлений.

Организационная структура сыскных отделений, регламентированная «Инструкцией чинам сыскных отделений» от 9 августа 1910 г., отражала основные направления и методы их деятельности. Один из отделов создавался для организации работы по выявлению преступников и их разоблачению с помощью негласной агентуры (внутреннее наблюдение) и филеров – штатных чинов для оперативного наблюдения за лицами, заподозренными в совершении преступлений (наружное наблюдение). Другим отделом являлось оперативно-регистрационное бюро. Оно обеспечивало использование в сыскной деятельности новейших достижений криминалистики.

Штатные сотрудники, занимавшиеся наружным наблюдением, сосредоточивали свое внимание на местах скопления преступного элемента –

---

<sup>238</sup> Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX веках. Домодедово, 1997. Ч. 2. С. 59.

<sup>239</sup> Мулукаев Р., Полубинский В. Указ. соч. С. 37.

ресторанах, трактирах, постоянных дворах, ночлежных притонах, домах терпимости, ломбардах и различных увеселительных заведениях. Секретные сотрудники (агентура), проводившие внутреннее наблюдение, вербовались из представителей преступного мира, скупщиков краденого, хозяев воровских притонов, проституток. Кроме того, сыскная полиция систематически прибегала к услугам лиц, которые по роду своих занятий имели возможность вести наблюдение за многими людьми – старьевщиков, разносчиков, посыльных, дворников, извозчиков, кондукторов и других железнодорожных служащих.

О требованиях, которым должна была отвечать новая полицейская служба, один из специалистов того времени. И. Т. Тарасов писал: «Необходимые условия, которым должна удовлетворять хорошо организованная сыскная полиция, сводятся к следующему:

1) образование главных агентов этой полиции из органов общей полиции, всецело посвятивших себя полицейской службе и обнаруживших достаточные опытность и склонность к сыскной деятельности;

2) выбор добавочных агентов, т. е. так называемых шпионов или сыщиков в ограниченном числе, и сколько возможно разборчиво, безусловно избегая порочных людей;

3) органы эти отнюдь не должны пользоваться принудительной властью, например, правом на личное задержание, обыск и т.п., ограничиваясь исключительно только тайным розыском, а когда нужно прибегнуть к принуждению, то агенты сыскной полиции обращаются за содействием к полиции явной, снабженной соответствующе принудительной властью;

4) поручение заведывания этой полицией особому опытному начальнику, подчиненному, однако, общему начальнику всей полиции вообще;

5) слияние сыскной полиции с общей так, что обе они составляют одно органическое целое».

Сыскные отделения Восточной Сибири, а они были созданы в Иркутске, Красноярске и Чите, получили достаточные по тому времени технические средства. Об этом свидетельствуют описи их имущества. Так, в 1914 г. при передаче дел новому начальнику сыскной полиции г. Читы в служебной документации было отмечено, что отделение оснащено: «одним фотографическим аппаратом системы "Бертильона" с объективом, четырьмя кассетами и штативом, фотографическим ручным аппаратом системы "Кодак" с двумя жестяными кассетами, ящичком антропометрического инструмента системы "Бертильона", дактилоскопическим прибором, линейкой с метрическими делениями для регистрации, стулом для арестантов при фотографировании с головным держателем, увеличительным стеклом "Телескоп", технической рулеткой с делениями длиной 5 сажень, "лупой для разборки дактилоскопических оттисков, таблицей радужных оболочек глаз"». Кроме того, в отделении имелась и специальная литература: Инструкция для фотографирования преступников, Судебно-полицейская фотография, Карта словесного портрета, Общие указания касающиеся антропометрического измерения, Инструкция чинам сыскных отделений, Пра-

вила для начальников сыскных отделений, Регистрация и установка личности при помощи оттисков пальцев<sup>240</sup>. В распоряжении сыскных отделений имелись и специально выписанные из Санкт-Петербурга служебные «собаки-ищейки». При сыском отделении Иркутска их было две, в Красноярском сыском отделении одна<sup>241</sup>.

Вместе с тем имевшегося финансирования явно не хватало для обеспечения высокоэффективной деятельности сыскной полиции. Содержание помещений, в которых должны были располагаться сыскные отделения, отнесли «исключительно на городские средства». Средства эти были весьма скудными, а, значит, и условия соответствующей работы очень стеснительными. «Пока было тепло, сообщал в служебной переписке начальник Читинского сыского отделения К. Г. Даценко, проводили антропометрические замеры и фотографирование преступников на дворе. Ввиду наступления холодов на дворе фотографировать и измерять преступников не представлялось возможным, а в квартире, занимаемой сыским отделением, подходящей для этого комнаты не имелось»<sup>242</sup>.

Ограниченными также были и государственные средства на непосредственную деятельность сыскных отделений, особенно третьего (как, например, в Иркутске) и четвертого разрядов (в Красноярске и Чите).

Один год работы сыского отделения третьего разряда обходился государственной казне в 6990 рублей, из которых только 2000 рублей предназначались на траты, обусловленные оперативной деятельностью<sup>243</sup>.

Использование этих денег строго регламентировалось «Правилами расходования чинами полиции кредита сметы министра внутренних дел на сыские надобности».

В них говорилось: «сыские суммы штатных сыских отделений предназначены исключительно на удовлетворение потребностей, связанных с мероприятиями по предупреждению преступлений общеуголовного характера, по раскрытию их и розыскам, произведенным в порядке службы»<sup>244</sup>.

Начальники сыских отделений, как лица, распоряжавшиеся сыским кредитом, несли персональную ответственность за их целевое использование.

«Отнесение не соответствующих розыскным потребностям издержек на сыские средства будет пополняться за счет личных средств распорядителей этого кредита» – устанавливалось в названном документе<sup>245</sup>.

Деньги сыского кредита шли «на негласных агентов (постоянных или временных); расходы чинов сыских отделений на розыски; оплату

<sup>240</sup> Государственный архив Забайкальского края (далее ГАЗК). Ф. 26. Оп. 2. Д. 68. Л. 34.

<sup>241</sup> ГАКК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 80. Л. 182; ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2846. Л. 43.

<sup>242</sup> ГАЧО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 263. Л. 42.

<sup>243</sup> Закон об организации сыской части // Известия Иркутской городской думы. 1908. № 19. С. 253.

<sup>244</sup> ГАЗК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 12. Л. 15.

<sup>245</sup> Там же.

сведений (доставляемых случайно частными лицами); регистрацию преступников; потребности в вспомогательных средствах для уголовных розысков; на вознаграждение женщин (производящих обыск у задержанных женщин); на фотографирование общеуголовных преступников; на приобретение платья для переодевания при розысках, на покупку и содержание дрессированных собак; на новые предметы технического оборудования розыскной части; на посылку телеграмм (при недостаточности телеграфного кредита, исключительно по розыскам общеуголовного характера); на устройство электрических звонков; телефонных сношений отделения и штатных чинов»<sup>246</sup>.

В действительности же денег хватало только на регистрацию преступников и скудные выплаты агентурным источникам. Сформировать эффективно действовавшую агентурную сеть из-за дефицита соответствующего финансирования в Восточной Сибири так и не удалось.

В связи с этим начальник сыскного отделения А. Н. Романов систематически обращал внимание начальников иркутской полиции на то, что «увеличение постоянного штата путем найма надежных негласных агентов не является возможным за скудностью средств... Сыскному отделению ежегодно отпускается 2000 руб., каковой суммы едва хватает на покрытие постоянных расходов на вознаграждение случайных агентов»<sup>247</sup>.

Из-за недостаточного финансирования сыскные отделения Восточной Сибири испытывали и острый дефицит кадров. Сыскное отделение третьего разряда в Иркутске представляли: начальник, три полицейских надзирателя и четыре городских, и сыскное отделение четвертого разряда (в Красноярске и Чите): начальник, два полицейских надзирателя и три городских. Из-за малочисленности штатов невозможно было проведение уголовного сыска в уездах, ведь средняя площадь только одного стана в Иркутской губернии (29 685 кв. версты) превышала размеры всей Московской губернии (29 263 кв. версты)<sup>248</sup>. Поэтому требование закона от 6 июля 1908 г. «Об образовании сыскных отделений... для производства розыска по делам общеуголовного характера как в городах, так и в уездах» на территории Восточной Сибири практически не выполнялось.

Более того, не представлялось возможным должное ведение уголовного сыска и в административных центрах региона. Из-за кадрового дефицита нельзя было выполнить требование опубликованной 9 августа 1910 г. «Инструкции чинам сыскных отделений» о «наиболее правильной организации борьбы с преступностью посредством специализации как общих мер

---

<sup>246</sup> ГАЗК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 12. Л. 15.

<sup>247</sup> ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2846. Л. 48.

<sup>248</sup> Брокгауз Ф. А., Ефрон И. Е. Иркутская губерния // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 25. С. 320; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. Е. Московская губерния // Там же. Т. 38. С. 950.

розыска, так и розыскной деятельности членов сыскных отделений по главным родам преступлений»

Енисейский губернатор в 1911 г. докладывал Иркутскому генерал-губернатору о том, что «недостаток штатных чинов местного сыскного отделения и незначительность денежных средств, отпускаемых начальнику отделения на разъезды и сыскные расходы, в значительной мере препятствуют развитию уголовного сыска, далеко не отвечающего при настоящей постановке дела тем требованиям, которые предъявляются к сыскной полиции как со стороны юстиции, так и со стороны общества»<sup>249</sup>.

В 1915 г. уже полицмейстер г. Иркутска ставил в известность губернские власти о том, что «количественный состав Иркутского сыскного отделения состоящего в третьем разряде, а равно и денежные суммы, отпускаемые на уголовный розыск, совершенно не соответствуют тому огромному розыскному делу, которое лежит на сыском отделении»<sup>250</sup>.

«При существующем штате отделения, — докладывал губернскому правлению начальник Иркутского сыскного отделения Н. А. Романов, — не является возможным для более рациональной постановки дела распределить работу чинов отделения по группам, соответственно категориям профессиональной преступности и иметь в распоряжении для внезапных вызовов особую резервную группу, имеющую во главе хотя бы одного штатного ответственного агента отделения»<sup>251</sup>.

Современники тех событий утверждают, что при раскрытии сложных преступлений в течение нескольких суток канцелярия отделения вообще оставалась лишь при одном дежурном, обязанности которого относил один из четырех штатных городовых отделения»<sup>252</sup>.

Из-за недостатка государственных средств безрезультатными оставались многочисленные попытки руководителей местной полиции и губернских администраций увеличить финансирование сыскных отделений через повышение их статуса (разряда). В сентябре 1909 г. не получил «дальнейшего движения» проект перевода во второй разряд Читинского сыскного отделения. Тогда ввиду только что вошедшего в действие закона 6 июля 1908 г. возбуждение вопроса об его изменении признали преждевременным<sup>253</sup>. Без ответа оставались аналогичные просьбы чиновников иркутской полиции. Бесследно канул в недрах Министерства внутренних дел Российской империи и проект о переводе в третий разряд Красноярского сыскного отделения. Не были удовлетворены официальным Санкт-Петербургом и прошения губернских администраций о пополнении в 1916 г. сыскных отделений Восточной Сибири за счет чиновников эвакуирова-

<sup>249</sup> ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 2627. Л. 1.

<sup>250</sup> Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2846. Л. 97.

<sup>251</sup> Там же. Л. 50.

<sup>252</sup> Там же. Л. 51.

<sup>253</sup> Там же. Ф. 25. Оп. 3. Д. 1737. Л. 177.

мых полицейских управлений с оккупированных российских территорий<sup>254</sup>.

Из-за недостаточного финансирования сотрудники сыскных отделений в некоторых случаях покрывали служебные расходы с помощью своего скудного жалованья, ежемесячно получая от 32 до 46 рублей. Столько же платили тогда чернорабочему.

В административных центрах Восточной Сибири, где продукты были многократно дороже, чем в южных и центральных районах страны, эта сумма равнялась только прожиточному минимуму<sup>255</sup>.

На свои деньги служащим полиции нужно было покупать не только одежду и питание, но и личное оружие с соответствующим боезапасом. Кроме того, в Восточной Сибири им приходилось значительно больше, чем в западных районах страны платить за снимавшееся жилье.

В связи с этим губернатор Забайкальской области сообщал генерал-губернатору: «квартира в три комнаты с кухней для начальника сыскного отделения стоит 400–500 руб. в год, квартира в одну комнату с кухней для полицейского надзирателя стоит 200–250 руб.; следовательно на содержание себя самого и семьи остается у начальника отделения около 40 руб. а у полицейского надзирателя – 20. На этот остаток, само собой, при существующей дороговизне на предметы потребления даже бессемейному просуществовать положительно невозможно.

В таком же положении материальной необеспеченности и городовые сыскного отделения, которые, получая в месяц 30 руб., должны, кроме приобретения за счет получаемого содержания, как и высшие чины отделения, обмундирования, иметь еще за тот же счет и вооружение»<sup>256</sup>.

Тяжелые условия труда, его низкая оплата и постоянный риск превращали уголовный сыск в непривлекательное занятие. Характерным было признание начальника Читинского сыскного отделения К. Г. Даценко, что за несколько лет на поприще сыскной деятельности ему «немало встретилось в служебном отношении претерпеть невзгод и упреков по отношению скудного содержания, а потому и переменный состав служащих, даже до такой степени превзошел, что за последнее время никто не соглашается поступать на службу в сыскное отделение»<sup>257</sup>.

С течением времени ситуация принципиально не менялась, и через шесть лет после высказывания К. Г. Даценко полицеймейстер г. Иркутска С. А. Петровский докладывал товарищу прокурора Иркутского суда: «Ваше Высочество изволит знать ту материальную необеспеченность, в которую поставлен весь состав сыскного отделения, в силу коих обстоятель-

<sup>254</sup> ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 2627. Л. 1–8.

<sup>255</sup> Вендрих Г. А., Кудрявцев Ф. А. Иркутск: очерки по истории города. Иркутск, 1958. С. 249.

<sup>256</sup> ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 1737. Л. 161.

<sup>257</sup> ГАЗК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 63. Л. 44.

ств не представляется возможным не только пригласить на службу мало-мальски подходящих людей, но и на положенное штатом жалование желающих никаких»<sup>258</sup>.

Скудное финансирование неизбежно обостряло кадровую проблему в сыскной полиции Восточной Сибири, поэтому с 1909 по 1917 г. в Иркутском сыском отделении сменилось пять начальников, шестнадцать полицейских надзирателей и тридцать три городских<sup>259</sup>.

Еще хуже обстояли дела в сыском отделении г. Читы, где за тот же период сменилось шесть начальников, девятнадцать полицейских надзирателей и тридцать шесть городских<sup>260</sup>.

Текущее кадров катастрофически снижала профессиональный уровень служащих полиции, квалификация которых находилась в прямой зависимости от времени пребывания в должности, когда необходимые знания приобретались исключительно в ходе практической деятельности.

Служащими сыских отделений являлись и бывшие крестьяне, и вышедшие в отставку солдаты, имевшие лишь начальные навыки чтения и письма. Общий же уровень грамотности сибиряков был вдвое ниже, чем у жителей центральных районов страны<sup>261</sup>. При этом даже от рядового сотрудника сыского отделения требовалось, как минимум, владение навыками обращения с антропометрической системой Бертильона, дактилоскопией и фотографией. В действительности же этим умением не обладали даже некоторые начальники сыских отделений. Так, в 1917 г. начальник Читинского сыского отделения В. А. Свитнев докладывал губернатору Забайкальской области: «Как я, а также и бывший начальник отделения Ялин не ведем правильной регистрации преступников и не пользуемся способами по системе Бертильона. Объясняется это только тем, что ни я, ни Ялин не были на курсах и не можем применять как правильного дактилоскопирования, так и антропометрического описания, фотографирования и вычисления дактилоскопии»<sup>262</sup>.

Не лучше обстояли дела и в сыском отделении г. Иркутска, где, по отзывам проводившего там инспекцию советника губернского правления Подъяпольского, «надзиратели и городовые с министерской инструкцией для сыских отделений совершенно не были знакомы и сыск производился примитивными способами»<sup>263</sup>.

---

<sup>258</sup> ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2846. Л. 97.

<sup>259</sup> Подсчитано на основании данных: ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2844, 2891; Оп. 2. Д. 1901.

<sup>260</sup> Подсчитано на основании данных: ГАЧО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 344, 475, 513; Оп. 2. Д. 15, 20, 30, 31, 38, 63, 68.

<sup>261</sup> Грамотность в Сибири по переписи 28 января 1897 г. // Сибирские вопросы. 1907. № 17. С. 15; Дулов А.В. Петрашевцы в Сибири. Иркутск, 1996. С. 18.

<sup>262</sup> ГАЗК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 38. Л. 2.

<sup>263</sup> ГАИО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 21. Л. 13.

За девять лет существования сыскных отделений в Восточной Сибири лишь один человек прошел специальное обучение навыкам использования технических средств в сыскной деятельности. В январе 1917 г. благодаря только собственной инициативе на учебу в Петроград был направлен начальник сыскного отделения г. Читы В. А. Свитнев<sup>264</sup>.

Следует отметить, что проблема профессиональной подготовки сотрудников уголовного сыска в начале XX столетия приобретала актуальный характер на большей территории Российской империи. Чиновники Департамента полиции отмечали по этому поводу, «что в большинстве случаев регистрационные карты вообще не доставляются, или присылаются с опозданием на несколько месяцев, так, например, за январь 1915 г. из числа существующих 107 сыскных отделений, регистрационные карты представлены только из 20 отделений»<sup>265</sup>. Причем, по мнению тех же чиновников, этот недостаток «являлся совершенно недопустимым препятствием к осуществлению предполагаемого Департаментом полиции сосредоточения в центральном регистрационном бюро возможно большего и полного регистрационного материала»<sup>266</sup>.

В подобных условиях эффективно заниматься уголовным сыском могли только отдельные явно незаурядные личности, например, Н. А. Романов и В. А. Свитнев.

Результатом многолетней практики начальника сыскного отделения г. Иркутска Н. А. Романова стало изучение многоплановой информации о преступном сообществе и ее систематизация, причем не только по видам противоправных действий, но и по этническим признакам. Было установлено, что в Иркутской губернии, «к категории разбойников, бандитов и грабителей главным образом принадлежат грузины; к этой же категории и к категории убийц с целью грабежа, воров-громил, воров-взломщиков принадлежат русские и поляки из каторжан; к категории воров-взломщиков, отмытчиков, карманщиков принадлежит исключительно бедное население города в возрасте от 15 до 20 лет; к категории воров-рецидивистов, взломщиков потолков и полов, резчиков железных касс принадлежат главным образом поляки из каторжан; к категориям приемщиков и сбытчиков краденого принадлежат мелкие торговцы и главным образом евреи»<sup>267</sup>.

Начальнику сыскного отделения г. Читы В. А. Свитневу в 1916 г. удалось блестяще раскрыть «Верхнеудинское дело», причем с использованием негласных агентов. Тогда из сейфа одного из отделений Русско-Азиатского банка исчезло 38 тыс. рублей. Из-за непрофессионализма местной полиции преступление, случившееся 22 июня 1916 г., оставалось

---

<sup>264</sup> ГАЗК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 38. Л. 2.

<sup>265</sup> Там же. Д. 29. Л. 75.

<sup>266</sup> Там же.

<sup>267</sup> ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2846. Л. 40.

не раскрытым более четырех месяцев. И хотя подозрения в краже падали на кассира Петра Шевченко, улики против него не было.

В октябре в Верхнеудинск приехал В. А. Свитнев. Он ознакомился с материалами дела и приступил к сыску. В Верхнеудинскую тюрьму был помещен негласный агент «якобы за получение по подложному чеку из Иркутского Сибирского банка 13 тыс. рублей». Грамотно разработанная легенда и хорошая предварительная подготовка позволили агенту в короткий срок познакомиться с Шевченко, войти к нему в доверие.

Используя элементы оперативной игры, через некоторое время В. А. Свитнев освободил своего человека из тюрьмы и ввел его в круг знакомых жены Шевченко – Марии. Сблизившись с супругой бывшего сокамерника, агент предложил ей выволить мужа из заключения. По легенде для осуществления задуманного ему требовалось 3 тыс. рублей. М. Шевченко поверила сотруднику полиции, после чего все решилось в течение суток.

Как докладывал сам В. А. Свитнев: «Войдя в глубокое доверие к агенту, Мария Шевченко созналась ему, что деньги из банка действительно похитил ее муж, и что остальные деньги спрятаны в трех местах в лесу, просила агента поехать с ней в лес и отрыть в одном из известных ей мест деньги для внесения залога за мужа. Агент согласился.

Когда Марией Шевченко было указано место, где находятся деньги, агент согласно данной ему инструкции, заявил Шевченко (это было в 12 часов дня), что днем деньги выкапывать опасно, и предложил сделать это совместно с ним в 5 часов утра следующего дня. Мария Шевченко согласилась и возвратилась домой, а агент явился ко мне.

Пригласив мирового судью 24 участка Читинского окружного суда Давыдова, ревизора биржевой артели барона Штиглица, двух понятых, двух городских, я выехал на место нахождения зарытых денег. Место это оказалось в 5 верстах от Верхнеудинска в лесу. Здесь на расстоянии 3/4 аршин от поверхности земли была отрыта сгнившая картонная папка, в ней оказалось 16860 рублей денег разными кредитными билетами.

Собранный таким образом материал я предъявил в Верхнеудинской тюрьме Петру Шевченко, который сначала отрицал предъявленные ему обвинения, но затем, сбившись в своих объяснениях, сознался»<sup>268</sup>. Всего в результате показаний Шевченко было найдено 19685 рублей.

Однако подобного рода мероприятия были исключением, но не правилом, а эффективность уголовного сыска находилась в абсолютной зависимости от личных качеств конкретного человека. Это подтверждают и сведения, содержащиеся в переписке губернских руководителей. Так, в 1911 г. начальник Енисейской губернии сообщал генерал-губернатору Восточной Сибири о том, что «если Красноярское сыскное отделение и явля-

---

<sup>268</sup> ГАЗК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 34. Л. 93.

ется работоспособным, то только благодаря особенной выдающейся деятельности начальника отделения коллежского секретаря Кристиана Яновича Штейнерта»<sup>269</sup>. В силу названных причин работоспособность сыскных отделений Восточной Сибири была весьма относительной. Количество уголовных преступлений ежегодно увеличивалось, а их раскрываемость уменьшалась. Об этом убедительно свидетельствует динамика роста числа таких общественно опасных преступлений, как кражи и грабежи. Так, если в 1909 г. по данным полиции количество совершенных краж и грабежей на территории г. Иркутска достигло 349 и 72, соответственно, то в 1914 г. уже 1338 и 118<sup>270</sup>. При этом сыскным отделением в 1914 г. было принято к производству лишь 151 дело о кражах, а злоумышленников удалось изобличить только в 54 случаях<sup>271</sup>.

Вынужденное реалиями начала XX в. специализировать уголовный сыск путем формирования самостоятельной службы сыскной полиции государство не смогло обеспечить должное ее финансирование. В результате ни организацию, ни содержание сыскной деятельности не удавалось привести в соответствие с требованиями времени. На территории Восточной Сибири ее не удавалось привести и в соответствие с местной спецификой. Наиболее ограниченные в своих возможностях по сравнению с другими территориями страны, находясь в тяжелейших условиях, сыскные отделения противостояли здесь наиболее высокоразвитой преступности.

В таких условиях эффективное проведение уголовного сыска решающим образом зависело от героизма, самоотверженности и уникальных способностей представлявших его людей, т.е. не имеющих широкого распространения личностных качеств.

---

<sup>269</sup> ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 2627. Л. 1.

<sup>270</sup> Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2846. Л. 45, 47.

<sup>271</sup> Там же. Д. 2867. Л. 63–83.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование полицейской службы специализированных формирований Восточной Сибири в XIX–начале XX вв. позволяет отметить исторические особенности и основные тенденции в ее развитии.

Чрезвычайные обстоятельства, сложившиеся в России ко второй половине XIX столетия, вызванные подъемом антикрепостнического движения, формированием новых социальных и экономических отношений, потребовали от правительства незамедлительной специализации полицейского аппарата, призванного обеспечивать «повсеместное благосостояние народа, спокойствие, тишину и благоустройство империи».

Создание в Российском государстве общеимперской системы карательных органов сопровождалось реструктуризацией сибирского полицейского аппарата, учитывавшей специфические особенности отдаленных восточных окраин, связанные с концентрацией в местной полиции весьма обширных функциональных обязанностей.

К середине XIX в. важнейшим документом, регламентирующим деятельность полицейских органов Восточной Сибири, оставалось «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г., разработанное по инициативе М. М. Сперанского.

Реформы, осуществленные в Сибири, по предложениям М. М. Сперанского, в первой четверти XIX в., на длительный период определили структуру администрации и особенности местного управления. Предпринятые правительством преобразования по реструктуризации и качественному обновлению полицейского аппарата, размежеванию административных и полицейских функций оптимизировали структуру полиции, более четко определили основные направления деятельности полицейских органов всей Восточной Сибири. Вместе с тем реформы не смогли полностью ликвидировать недостатки в отпращивании полицией своих функциональных обязанностей.

Во второй половине XIX в. полицейские структуры, как и прежде, допускали случаи превышения своих полномочий. Эти нарушения заключались в незаконном производстве следствий, в неправосудии, в разрешении телесных наказаний. Частым явлением при губернской администрации было создание специальных комиссий, расследующих неправомерные действия местной полиции. Необходимость усиления эффективности деятельности полицейских органов осознавали местные власти.

В своих записках и обращениях в адрес императора и правительства генерал-губернаторы неоднократно просили продолжить дальнейший поиск мер, оказывающих эффективное воздействие на улучшение состояния полиции и суда.

Однако центральные власти не спешили с распространением на Сибирь преобразований в полицейской сфере, уже осуществленных в великорусских губерниях. Созданная сибирскими учреждениями система полицейских органов оставалась практически неизменной вплоть до 1867 г.

Тем не менее во второй половине XIX в. в политике центральной власти начинает преобладать тенденция к постепенной унификации полицейских органов центральной России и Сибири. Вместе с тем в реформировании сибирской полиции правительство действовало предельно осторожно, стремясь максимально учитывать местную специфику. Подход к реформированию полицейских органов Восточной Сибири, представляя собой своеобразный симбиоз общего и особенного, может рассматриваться в качестве регионального компонента российской имперской административной политики. Главными особенностями данных компонентов являлись географическая удаленность Восточной Сибири от центра управления страной, низкая плотность населения, смешанный конфессиональный и этнический состав, формирование на территории Сибири в результате колонизации особого русского этнотипа, имеющего свои социокультурные и психологические черты, господство государственной формы собственности на основные природные и трудовые ресурсы, специфика социально-экономических процессов.

На протяжении всего исследуемого периода Восточная Сибирь оставалась местом уголовной и политической ссылки, что накладывало дополнительные обязанности на политическую, городскую и сельскую полицию. В связи с этим, распространяя на Сибирь уже введенные в центральных губерниях полицейские институты, самодержавие стремилось использовать накопленный опыт, искать наиболее приемлемые формы их адаптации в новых политических, социальных и экономических реалиях. Развитие местных полицейских органов в XIX–начале XX вв. характеризовалось совершенствованием их организационной структуры. Главной целью реорганизации было более эффективное выполнение задач по охране общественного порядка, спокойствия и безопасности.

В то же время слабость органов местного самоуправления, а также соединение на уездном уровне администрации и полиции в одном органе обусловили наделение сибирской полиции значительным объемом административно-хозяйственных полномочий. Это положение усугублялось тем, что ряд реформ, осуществленных в Европейской России, не был в полной мере распространен на Восточную Сибирь. Земская реформа не была проведена в Сибири в дореволюционные годы. Судебные преобразования затягивались, их провели в конце XIX–начале XX вв. в урезанном виде, сохранив высокую степень зависимости судебных органов от администрации.

К началу исследуемого периода система полицейских органов Восточной Сибири состояла из городского полицейского управления во главе с полицмейстерами и окружных полицейских управлений во главе с исправниками. При этом округа (уезды), нередко по пространству превосходящие размеры многих губерний Европейской России, имели всего одного исправника с помощником и несколькими земскими заседателями, что не могло не сказаться на их эффективности. Слабость полицейского надзора объяснялась несоответствием числа полицейских объему возложенных на них задач, пространством полицейских участков, удовлетво-

рительным личным составом чинов полиции и низкими окладами содержания. Несмотря на критику в адрес окружных управлений со стороны сибирских генерал-губернаторов, правительство не спешило их упразднить. Так, «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний по Общему учреждению управляемых», принятые 25 декабря 1862 г., на Сибирь не распространялись. И все же в 1867 г. аналогичная реформа была осуществлена и в Сибири.

Законом 12 июня 1867 г., принятым по представлению Министерства внутренних дел «О преобразовании полиции в Сибири», упразднялись общие окружные управления, а взамен создавались полицейские управления Восточной и Западной Сибири.

Закон «О преобразовании полиции в Сибири» имел своей целью путем реструктуризации полицейских органов повысить их эффективность, приблизить организационную структуру сибирской полиции к общероссийской.

Полицейские управления Восточной Сибири образовывались на следующих основаниях: городская полиция и земские суды соединялись в окружное полицейское управление, которому подчинялись городские и другие поселения, находящиеся в пределах округа, за исключением Иркутска, где сохранялась отдельная городская полиция.

Структура полицейских органов Восточной Сибири, учрежденная в соответствии с законом 12 июня 1867 г., фактически просуществовала до 1917 г. Тем не менее этот закон вряд ли можно рассматривать как полномасштабную полицейскую реформу. Закон «О преобразовании полиции в Сибири» не вносил изменений в порядок подчиненности и сношений сибирской полиции, предметы ведомства, пределы власти, порядок действий, распределение обязанностей, отчетность и ответственность полиции. Поэтому в указанных вопросах фактически сохранялся прежний порядок.

Функции сибирской полиции оставались широкими, действующее законодательство рассматривало полицейские управления как органы управления вообще, из чего следовало, что любые действия по управлению уездом (от застройки улиц до состояния ведомостей о родившихся, вступивших в брак и умерших) относились к компетенции уездного полицейского управления.

Дальнейшие шаги по реформированию полиции Восточной Сибири были направлены на повышение специализации в ее деятельности, изъятие из ведения полиции общественно-хозяйственных функций.

Однако, как и все реформирование в исследуемый период, преобразование полицейских органов Сибири проходило противоречиво, наталкиваясь на противодействие некоторых влиятельных чиновничьих групп и должностных лиц как в центре, так и на местах. Все это привело к тому, что процесс реформирования сибирской полиции растянулся до начала XX в.

Так, в 1898 г. на Сибирь в виде крестьянских начальников был распространен институт земских начальников, введенный в центральных губерниях еще в 1889 г. Введение крестьянских начальников значительно

сократило и упростило обязанности полиции по отношению к крестьянскому населению. Что касается полицейской стражи, образованной в губерниях Европейской России в 1903 г., то процесс ее учреждения в Восточной Сибири растянулся до 1916 г., причем полицейская стража была образована лишь в 3 из 5 уездов Иркутской губернии, тем не менее с введением уездной полицейской стражи уездная полиция Иркутской губернии фактически обрела структуру и силу уездной полиции Европейской России.

Особенности государственного управления в Российской империи и несвоевременность реформ привели в начале XX столетия к нарастанию социального напряжения внутри страны. Прямым следствием этого явилось повышение криминальной активности населения. В этих условиях правительство в очередной раз пытается повысить эффективность деятельности полиции, стабилизировать криминогенную обстановку. 6 июля 1908 г. был принят закон «Об организации сыскной части», в соответствии с которым в городах и уездах создавались сыскные отделения.

Этот закон стал единственным нововведением в полицейской сфере, которое сразу же и в полном объеме распространялось на Восточную Сибирь. В соответствии с ним в Иркутске было создано сыскное отделение третьего разряда, Красноярске и Чите – четвертого. При наличии в законе позитивных моментов имелся и ряд недостатков. В процессе утверждения статуса (разрядов) сыскных отделений Восточной Сибири разработчиками было учтено количество населения и слаборазвитая инфраструктура региона, но не было обращено внимание на социальные проблемы. В частности, при определении разряда Иркутского сыскного отделения не принималось во внимание, что на территории губернии проживало большое количество ссыльных за общеуголовные преступления.

С отменой ссылки в Сибирь (по закону от 12 июня 1900 г. «Об отмене ссылки на жительство и ограничении ссылки на поселение по суду и по приговорам общественным») процент ссыльных стал уменьшаться, но многие преступники, отбыв наказание, избирали Иркутскую губернию для постоянного места жительства. Руководство иркутской полиции неоднократно пыталось обратить внимание губернской администрации на недочеты закона «Об организации сыскной части», что прежде всего выражалось в недостаточном финансировании органов сыска. Но вопрос об увеличении финансовых затрат на сыскную работу в Иркутской губернии так и не был решен ни на местном, ни на государственном уровнях.

Особое место в системе полицейских органов Иркутской губернии занимала политическая полиция. При этом если общая полиция в сибирских губерниях длительное время была децентрализованной и ее организация осуществлялась на основании специальных узаконений, то политическая полиция с самого начала своего существования была строго централизованной и руководствовалась в своей деятельности общеимперским законодательством, что значительно повышало ее эффективность. Что касается специфических особенностей в деятельности политической полиции Восточной Сибири, то они были обусловлены прежде всего пребыванием в

регионе большого количества политических ссыльных, смешанным конфессиональным и этническим составом населения, а также близостью восточных границ. В остальном деятельность Иркутского губернского жандармского управления и Иркутского районного охранного отделения принципиально не отличилась от деятельности аналогичных структур в Европейской России.

Помимо общей и жандармской полиции в Иркутской губернии действовал ряд специализированных и вспомогательных формирований. В 1900 г. вместо казачьей полиции, содержащейся за счет золотопромышленников, на золотых приисках Иркутской губернии была учреждена горно-полицейская стража. Реформирование горной полиции преследовало своей целью вывести полицию из материальной зависимости от золотопромышленников. Контингент горно-полицейской стражи ежегодно увеличивался. Комплектование горно-полицейских команд велось добровольцами, отслужившими действительную военную службу. В силу этого способность команд к выполнению полицейских акций была достаточно высока. В целом горно-полицейская стража удовлетворительно справлялась со своими непосредственными обязанностями, главной из которых являлась борьба с хищением и другими незаконными способами приобретения золота.

Таким образом, если в середине XIX в. полицейские органы Восточной Сибири организовывались на основании особых законодательных актов, главным из которых оставалось «Сибирское учреждение» 1822 г., то во второй половине XIX–начале XX вв. правительство предпринимает шаги, направленные на унификацию полицейских органов Европейской России и Сибири. Тем не менее к 1917 г. организационная структура городской и уездной полиции Иркутской губернии фактически соответствовала структуре городской и сельской полиций центральных губерний. В то же время на протяжении всего исследуемого периода система полицейских органов Иркутской губернии сохраняла довольно сложную структуру и состояла из различных органов, созданных в разное время и не по единому образцу.

Негативное воздействие на эффективность и правомерность деятельности полиции Восточной Сибири оказывали малочисленность штата относительно численности населения и величины обслуживаемой территории, недостаточность финансирования и низкая материальная обеспеченность полицейских, отсутствие в регионе системы специальной подготовки полицейских кадров и, как следствие, их низкий профессиональный уровень. Полиция продолжала оставаться почти единственным исполнительным органом всех государственных учреждений в крае. Объем обязанностей, возлагаемых на полицейские органы, был непомерно велик, что отрицательно отражалось на выполнении задач, непосредственно связанных с борьбой против преступности, приводило к распылению правоохранительных сил и средств.

## СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева О. А. Судебная система Восточной Сибири в XVII–первой половине XIX вв. (историко-правовое исследование). Иркутск: ИГЭА, 1999. 208 с.
2. Агалаков В. П. Подвиг Центросибири. Иркутск, 1968. 165 с.
3. Адрианов С. А. Министерство внутренних дел: Исторический очерк (1802–1902). СПб., 1902. 225 с.
4. Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России и Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. 238 с.
5. Белецкий С., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913. 42 с.
6. Борисов А. В. Руководители карательных органов дореволюционной России. М., 1979. 151 с.
7. Витте С. Ю. Воспоминания. Таллин, М., 1994. 510 с.
8. Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703–1903 гг.): краткий исторический очерк. СПб., 1903. 326 с.
9. Галвазин С. Н. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001. 191 с.
10. Гусев К. В. Рыцари террора. М.: Луч, 1992. 144 с.
11. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 168 с.
12. Ермолинский Л. Л. Михаил Сперанский. Иркутск: Папирус, 1997. 400 с.
13. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая шк., 1983. 352 с.
14. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М.: Мысль, 1981. 252 с.
15. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
16. История полиции России: краткий исторический очерк и основные документы / под ред. В. М. Курицына М.: ШИТ-М, 1998. 200 с.
17. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков; Авт. тома В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев. Л.: Наука, 1968. 530 с.
18. Исупов В. А., Кузнецов И. С. История Сибири. Т. 3: Сибирь: XX век. Новосибирск, 1999. 340 с.
19. Качуров С. Ю. Полиция Иркутской губернии во второй половине XIX–начале XX вв. Иркутск, 2002. 334 с.
20. Курицын В. М., Мулукаев Р. С., Коряков В. П. История полиции дореформенной России (сборник документов и материалов по истории государства и права). М., 1981. 94 с.

21. Лебедев М. И. Воспоминания о Ленских событиях 1912 года. М., 1962. 327 с.
22. Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции (из итогов служебного опыта). М., 1907. 69 с.
23. Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992. 412 с.
24. Лысенко В. В. Правонарушения в сфере общественной нравственности и полиция России. СПб., 1997. 312 с.
25. Лысенко В. В., Сальников В. П., Сизиков М. И., Филатова С. В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции дореволюционной России. СПб., 1996. 136 с.
26. Марголис А. Д. Тюрма и ссылка в Императорской России. М., 1995. 195 с.
27. Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России, её классовый характер. М., 1979. 31 с.
28. Мулукаев Р. С. Полиция в России (XIX.–нач. XX в.). Н. Новгород: НВШ МВД РФ, 1993. 104 с.
29. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк, посвященный 200-летию МВД / сост. В. Ф. Некрасов, А. В. Борисов, М. Г. Детков и др.; гл. ред. А. Г. Громов. М.: Объединенная редакция МВД России, 1996. 462 с.
30. Прыжов И. Г. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков. СПб.: ЭЗРО, 1996. 213 с.
31. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. 200 с.
32. Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции / под ред. Ф. А. Кудрявцева. Иркутск, 1955. 240 с.
33. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 255 с.
34. Рогов В. А. История государства и права России XIX – начала XX веков. М.: Зерцало, ТЕИС, 1995. 263 с.
35. Рубцов С. Н., Сысоев А. А. Уголовный сыск российской полиции Восточной Сибири: монография. 2-е изд., испр., доп. / С. Н. Рубцов, А. А. Сысоев. Красноярск: Институт естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета, 2007. 215 с.
36. Соловей Ю. П. Правовое регулирование милиции в Российской Федерации. Омск, 1993. 65 с.
37. Сперанский М. М. Проекты и записки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 240 с.
38. Ссылка и каторга в Сибири. Новосибирск, 1975. 287 с.
39. Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. 160 с.
40. Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979. 260 с.
41. Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века. Минск, 1981. 49 с.

42. Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма: структура, функции, реакционная сущность, связь с другими министерствами. Омск: ОВШ, 1974. 111 с.

43. Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск: ОВШ, 1973. 67 с.

44. Шинкарев Л. И. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. 488 с.

45. Ядринцев Н. Н. Сибирь как колония. СПб.: Типограф. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

*Учебное издание*

**Грозин Сергей Юрьевич,  
Сысоев Алексей Александрович,  
Белозерцев Сергей Михайлович**

**СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ  
В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Подписано в печать 28.12.2018

Усл. печ. л. 5,25

Тираж 60 экз.

Формат 60х84/16

Заказ № 90

**НИиРИО ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД Российской  
Федерации», ул. Лермонтова, 110**